

ВЪ ЧЕМЪ СОСТОИТЬ ИСТИННОЕ МОНАШЕСТВО ПО ВОЗЗРѢНІЯМЪ ПРЕПОДОБНАГО МАКСИМА ГРЕКА ¹⁾.

Преп. Максимъ Грекъ самъ былъ монахъ, монахъ настоящій, истинный и притомъ афонитъ. Понятно, что русское монашество, когда онъ окончательно поселился въ Россіи ²⁾, привлекло къ себѣ его особенное вниманіе, что онъ тщательно и всесторонне изучилъ его, и потому говорить о немъ особенно много и часто, говорить всегда горячо, убѣжденно, отъ сердца, съ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ предмета. Въ его разсужденіяхъ о монашествѣ съ особою ясностію и рельефностію сказались его широкіе истинно христіанскіе взгляды на дѣло спасенія человѣка, взгляды во многомъ несогласные съ тогдашними воззрѣніями русскихъ на этотъ предметъ.

Русскіе были убѣждены, что одни монашескіе обѣты сами по себѣ спасительны, что человѣку стоитъ только произнести монашескіе обѣты и надѣтъ на себя черное монашеское одѣяніе, какъ онъ уже этимъ самымъ сразу выдѣляется изъ ряда обыкновенныхъ мірскихъ христіанъ, и сразу становится на единственно вѣрный путь къ полученію спасенія. Русскіе, въ дѣлѣ спасенія человѣка, дѣлили

¹⁾ Настоящая статья представляетъ собою главу изъ предпринятаго авторомъ о Преподобномъ Максимѣ Грекѣ особаго изслѣдованія подъ заглавіемъ: „Преподобный Максимъ Грекъ какъ отецъ русской публицистики“, которое, въ свое время, и будетъ печататься въ нашемъ журналѣ. *Ред.*

²⁾ Преп. Максимъ Грекъ, по вызову великаго князя, пріѣхалъ съ Афона въ Москву 4 марта 1518 года, а умеръ и похороненъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ въ 1556 году.

всѣхъ православно вѣрующихъ людей какъ бы на двѣ совершенно различныя породы: одна порода—низшая, презираемая,—это мірскіе люди, которые только и знаютъ, что грѣшати, только и думаютъ о грѣховномъ да порочномъ, и неизбѣжная участь которыхъ—вѣчныя адскія муки; другая порода—высшая, совершеннѣйшая, предметъ почитанія и преклоненія, — это монахи, которые только и дѣлаютъ, что усердно бѣгаютъ отъ мірскаго грѣха и порока, только и занимаются въ монастыряхъ тѣмъ, что спасаютъ свою душу,—ихъ участь райское блаженство. Между этими двумя, совершенно различными породами людей, существуетъ такая громадная бездна, что для тѣхъ, которые желаютъ спасти свою душу, есть только одинъ возможный выходъ: имъ необходимо надѣть на себя черное монашеское одѣяніе. Этимъ, конечно, объясняется, почему въ древней Руси даже князья на смертномъ одрѣ старались принять монашество. Они были искренно убѣждены, что одно принятіе ими монашества, хотя бы только за часъ до смерти, будетъ для нихъ спасительно, зачтется имъ въ дѣлѣ спасенія въ особую заслугу. Также смотрѣлъ на постриженіе въ монашество и весь русскій народъ. Понятно само собою, что и сами монахи, безотносительно къ своимъ дѣламъ и жизни, тоже смотрѣли на себя какъ на особыхъ избранниковъ Божіихъ, какъ на занимающихъ въ дѣлѣ спасенія, сравнительно съ мірянами, особое исключительное и прямо привилегированное положеніе, ради только того, что они дали монашескіе обѣты и надѣли условныя черныя одежды.

При такомъ преувеличенномъ представленіи русскихъ о великомъ значеніи въ дѣлѣ спасенія однихъ только монашескихъ обѣтовъ и одеждъ, они, въ то же время, предъявляли къ монашеской жизни и дѣятельности очень невысокія требованія, на столько невысокія, что, исполняя ихъ, монахъ въ дѣйствительности ничѣмъ не отличался, по своимъ истинно христіанскимъ качествамъ, отъ обыкновеннаго самаго зауряднаго мірянина, и притязанія монаха, на свое преимущественное предъ мірянами право получить вѣчное спасеніе, не имѣли никакихъ реальныхъ основаній. Русскіе были убѣждены, что если монахъ часто молится, посѣщая церковныя службы, читаетъ и поетъ разные каноны, постится, то уже *однимъ этимъ* онъ несомнѣнно спасаетъ свою

душу. А если монахъ, бѣжавъ изъ міра, поселится гдѣ-либо въ пустынномъ мѣстѣ, предаваясь тамъ подвигамъ умерщвленія плоти, то такого отшельника, еще при его жизни, многіе уже готовы были признать прямо святымъ, угодникомъ Божиимъ. Воображеніе русскихъ болѣе всего поражалъ всегда чисто внѣшній и, такъ сказать, чисто физическій подвигъ благочестія, подвигъ направленный почти исключительно на самоумерщвленіе плоти путемъ поста, долгихъ стояній, усиленныхъ поклоновъ и т. под.; — такого именно внѣшняго физическаго подвига русскіе ожидали и требовали отъ своихъ монаховъ. О томъ, что должно скрываться за этимъ внѣшнимъ подвигомъ, какіе внутренніе духовнонравственные мотивы должны стоять за монашескимъ постомъ и молитвою, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно спасительными для человѣка, русскіе мало задумывались. Мысли о томъ, что не постъ и молитва сами по себѣ и механически создаютъ высокое нравственное настроеніе, спасающее человѣка, а только живое дѣятельное исполненіе заповѣдей Христа, при чемъ постъ и молитва есть только форма и выраженіе нравственнаго высокаго настроенія, а не причина его, — такой мысли даже и не возникало въ умѣ русскихъ. Точно также у русскихъ никогда не возникало мысли критически провѣрить справедливость того общаго, настойчиво распространяемаго утвержденія монаховъ, что въ мірѣ будтобы только и думаютъ, что о грѣхѣ, только и дѣлаютъ, что грѣшатъ, и что порокъ и грѣхъ такъ повсюду разлиты въ мірѣ, что въ немъ не остается даже и уголка, гдѣ бы благочестивый человѣкъ, незатопляемый въ конецъ грѣхомъ и порокомъ, могъ спокойно заняться спасеніемъ своей души, почему онъ и долженъ, если хочетъ спастись, обязательно бѣжать изъ міра за монастырскія стѣны, гдѣ думаютъ только объ одной добродѣтели, только о спасеніи, куда мірскіе грѣхъ и порокъ не могутъ проникнуть и гдѣ поэтому, въ противоположность грѣховному міру, царятъ только святость и благодать.

Противъ указанныхъ взглядовъ русскихъ на монашество съ замѣчательною силою и убѣдительностію возстаетъ препод. Максимъ, горячо и рѣшительно заявляя, что истинное монашество, по самой своей сущности, заключается не въ черныхъ ризахъ, постахъ, долгихъ молитвахъ и стояніяхъ,

не въ сохраненіи дѣвства или въ пустынной жизни, не въ умерщвленіи только плоти и исключительныхъ заботахъ о своемъ личномъ спасеніи, а единственно въ исполненіи самымъ дѣломъ заповѣдей Христовыхъ, въ дѣятельномъ непрестанномъ проявленіи къ нашимъ ближнимъ любви, правды, милости и проч., безъ которыхъ ни одному человѣку невозможно спастися. Это потому, что всѣ внѣшніе, такъ называемые монашескіе подвиги, совершаемые хотя бы очень исправно и усердно монахомъ, сами по себѣ могутъ не оказывать однако улучшающаго и возвышающаго вліянія на его нравственное состояніе: монахъ можетъ истово класть положенные уставомъ поклоны, исправно и даже усиленно поститься и изнурять свою плоть, неопустительно посѣщать всѣ церковныя службы, вычитывать всѣ положенные уставомъ молитвы и каноны и, въ то же время, нравственно остаться по прежнему грубымъ, эгоистичнымъ, испорченнымъ и даже порочнымъ. Причина этого явленія заключается въ томъ, что всѣ указанные монашескіе подвиги легко могутъ исполняться только внѣшне и механически, по привычкѣ, по внушенію и воздѣйствію отъ внѣ, безъ активнаго, личнаго нравственнаго участія совершающаго такіе подвиги. Высшая нравственная настроенность вовсе не создается подобнымъ внѣшнимъ подвигомъ, а наоборотъ: самые эти подвиги создаются извѣстною душевною настроенностію, служатъ только ея внѣшнимъ выраженіемъ и обнаруженіемъ, и только въ этомъ случаѣ имѣютъ цѣну и значеніе; такъ что монашескіе подвиги, выражающіеся въ постѣ, молитвѣ, долгихъ стояніяхъ, не причина высшей нравственной настроенности и нравственнаго усовершенствованія монаха, а только слѣдствіе ихъ, — высшая религіозно-нравственная настроенность сопровождается постомъ и молитвою, но соблюденіе поста и молитвы можетъ и не сопровождаться вышею нравственною настроенностію. Съ другой стороны не монахъ только, но и всякій мірской благочестивый человѣкъ то же строго соблюдаетъ посты, то же исправно ходитъ въ церковь, молится дома, вычитываетъ положенныя правила и молитвы и, можетъ быть, часто постится и молится даже гораздо искреннѣе и сердечнѣе, чѣмъ монахъ, такъ какъ постъ и молитва мірскаго человѣка являются дѣломъ болѣе свободнымъ и добровольнымъ,

а потому и болѣе цѣннымъ подвигомъ, чѣмъ постъ и молитва монаха, который, разъ связавъ себя обѣтами, постится затѣмъ и молится часто только уже по требованію устава, по неизбѣжной для него необходимости, по привычкѣ, при чемъ его личная воля и расположеніе часто уже не играютъ при этомъ никакой активной роли. Правда, монахъ можетъ поститься и молиться количественно больше, чѣмъ мірской человѣкъ, но въ дѣлѣ нравственнаго подвига, въ дѣлѣ спасенія важно, конечно, не количество молитвъ и воздержаній отъ яствъ, а сопровождающая ихъ внутренняя нравственная настроенность, которая только одна и придаетъ истинную цѣну посту и молитвѣ, такъ что между монахомъ и мірскимъ человѣкомъ, съ этой стороны, нѣтъ никакого существеннаго различія.

Въ своемъ поученіи къ инокинямъ ¹⁾ преп. Максимъ рѣшительно заявляетъ: „самъ Господь учитъ, глаголя: не всякъ глаголай ми Господи, Господи, внидетъ въ царство небесное, но творяй волю Отца Моего небеснаго, сирѣчь, иже спасительныхъ заповѣдей Его прележнѣ совершаетъ словомъ и дѣломъ; а) *иже бо молитвы точію долги приносяти Ему щитися*, Божіихъ же заповѣдей плоды, иже есть любовь и правда и милость, не печется приносить Ему, услышитъ отъ Него: что мя глаголете, Господи, Господи, а, яже Азъ повелѣваю вамъ, не творите“. „Горе убо вамъ, говорить преподобный, обращаемся убо вотще текше и трудившеся *воздержаніемъ точію отъ брашенъ и долгими молитвами и бдѣніи спастися уповаше*, пѣстъ бо царствіе Божіе брашно и питіе, но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣмъ.... Царствіе Божіе ничтоже ино есть, точію правда всяка и любви совершенна и святыня и милость и щедроты ко всякому, въ бѣдахъ и нищетѣ живущему“. „Ради всѣхъ добрыхъ дѣлъ, иже показаша ко въ бѣдахъ живущимъ, вѣнчаетъ (на страшномъ судѣ) праведныхъ Праведный и милостивыхъ Милостивый и Человѣколюбивый, *прочая ихъ исправленія и подвиги духовныя умолчавъ*, глаголю же: *посты многи и отходы въ дальнихъ и не во вселенныхъ (ненаселенныхъ) пустыняхъ*, сіе хотя показати намъ Всемиловитый, яко *кромя ми-*

¹⁾ Сочиненіями препод. Максима Грека мы пользуемся по печатному казанскому изданію.

лости и человеколюбія, яже ко въ бѣдахъ живущимъ, вся она неполезна и не единого слова достойна вѣняется у Него: самъ бо глаголетъ: милости хочу, а не жертвы, разумъ Божій, а не всесоженія“. Далѣе преп. Максимъ говоритъ, что въ причтѣ Господа о мудрыхъ и неразумныхъ дѣвахъ, подѣ послѣдними разумѣются души тѣхъ благочестивыхъ мужей и женъ, которые думаютъ, „молитвами всенощными и посты многими очистити себя отъ всякія скверны плоти и духа: елей же, сирѣчь, милосердіе и состраданіе еже къ нищимъ и въ бѣдахъ живущимъ, не попекошася пристяжати“, почему они и не могли войти, вмѣстѣ съ мудрыми дѣвами, въ храмину жениха ¹⁾.

Тѣ же самыя мысли, что одни монашескіе обѣты, черныя ризы, посты и молитвы, безъ дѣятельнаго исполненія заповѣдей Божіихъ, не могутъ спасти монаха, а что сущность монашества вовсе не заключается въ постахъ и молитвахъ, преп. Максимъ очень сильно и настойчиво высказываетъ и во многихъ другихъ своихъ сочиненіяхъ, гдѣ только для этого подходилъ какой либо удобный случай. Обращаясь къ душѣ онъ говоритъ: „добродѣтелей не стяжавши, въ мрачную тьму во вѣки вселишися, преисподнимъ предана мученіямъ, ничѣмъ же пользовавшися отъ частыхъ и долгихъ молитвъ, и, ихъ же носиши, черныхъ ризъ. Молитвы бо, и сія черныя ризы тогда благопріятна и благочестна Богу суть, егда съ прилежнымъ соблюденіемъ исполняеши вся заповѣди Божія, не яко же ты разсуждаеши, но яко же Господь твой повелѣлъ и устави́лъ есть: ничтоже ино, точію дѣланіе заповѣдей, — ни долги молитвы, ниже воздержаніе отъ брашенъ. Дѣланія бо ради заповѣдей, поясняетъ преподобный, узаконена быша вся молитвы, пощенія, бдѣнія, уединенія, о нихъ же не хвалися, дондеже не брежешь дѣланіе заповѣдей. Наипаче же потщися достигнути то прежде всякія добродѣтели.... Угодна ли творити мниши (душа) своими долгими молитвами и чернымъ снмъ власнымъ образомъ Христу, любящимъ милость паче жертвы, и осужающа всякаго нищененавидца? Воистину лють есть прельщена и заблудила еси отъ правошественнаго пути и на песцѣхъ назидаеши храмину свою, а не на камени твердѣмъ, еже есть

¹⁾ Т. II, 397—398, 401, 408—409.

соблюденіе дѣломъ всѣхъ заповѣдей Спасовыхъ“ ¹⁾. Въ своемъ сочиненіи „Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ“ преп. Максимъ говоритъ: „како мнимъ благоугодити Богу? паче же: како избѣжимъ страшнаго онаго суда, егда не отъ зѣльнаго поста и бдѣній и долгихъ пѣснопѣній, но отъ единого человѣколюбія и щедротъ, яже къ нищимъ, *вънмаетъ стоящихъ одесную Его?* Елико бо, рече, сотвористе единому отъ меньшихъ сихъ братій Моихъ, Мнѣ есте сотворили. Такожде и сущимъ ошую: *и не зане посты великіе не испрашиша и бѣжній, или зане долгими пѣніи не воспѣша Его, поношаетъ имъ,* но понеже не едино человѣколюбіе николиже показаша къ нищимъ, ихъ же и своею братією называти не стыдится“ ²⁾.

Въ своемъ „сказаніи живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молящимся Богу во вся дни, надѣющимся спасеніе получитьи“, преп. Максимъ говоритъ: „вѣдомо убо да есть намъ благочестивымъ, яко дондеже пребываемъ во грѣсѣ, еже есть въ преступленіи божественныхъ заповѣдей Христа Бога, *аще и вся молитвы преподобныхъ, и тропари, и кондаки, и молебные каноны глаголемъ во вся дни и часы, ничтоже отнюдь исправляемъ;* Самъ бо Владыко Христосъ Собою глаголетъ къ намъ, аки укоряя насъ и поношая: что Мя глаголете: Господи, Господи, и не творите, еже Азъ повелѣваю вамъ“. Въ уста Богородицы преп. Максимъ влагаетъ такія слова: „ниже внемлю тебѣ отнюдь, аще и безчисленными каноны и стихѣры краснымъ гласомъ поеши мнѣ: милости, а не жертвѣ, слыши, хотящаго Господа, и разумъ Божій, а не всесоженіи“ ³⁾.

Конечно, соглашается преп. Максимъ, хороши и посты и молитвы, но не сами по себѣ, безотносительно къ дѣятельному исполненію заповѣдей Божіихъ. „Добро есть вельми, говоритъ онъ, и поднужно есть тучнѣйшихъ брашенъ отлученіе къ умерщвленію плотскихъ скоктаній, и молитва къ просвѣщенію душевныхъ силъ; но подобаетъ къ сими приложить и душевныхъ страстей воздержаніе, да не ре-

¹⁾ II, 43—44.

²⁾ II, 98—99.

³⁾ II, 214, 242.

чется и о насъ божественное слово, глаголющее; *храняще суетная и лжива, милость свою оставиша*“. И въ другомъ мѣстѣ преподобный замѣчаетъ: „добро убо, добро воистину и вельми спасительно молитва и постъ! овъ убо плотская скоктанія утишаетъ и миртвить и помыслы чистить; оваже Богу соединяетъ и духовнѣ присвоетъ и боговидна творить молящагося трезвеннѣ; но аще лишатся преже реченныхъ выше добродѣтели, *аки ничтоже вмѣняются предъ праведнымъ Судією*“ ¹⁾.

Одинъ физическій постъ, по мнѣнію преп. Максима, не только не спасаетъ постящагося, но и служить къ его большому осужденію. Если мы не усвоили христіанскихъ добродѣтелей, то, замѣчаетъ преподобный, не пользуется насъ воздержаніе отъ мяса и рыбъ и вина и масла, аки во единомъ воздержаніи отъ брашенъ полагающихъ все упованіе нашего спасенія“. Мало того. Одинъ физическій постъ прямо уподобляетъ такъ постящагося самимъ бѣсамъ. Преподобный говоритъ: „воздержаніе совершенное отъ душеплительныхъ страстей истиненъ есть постъ и Богу пріятенъ; *а едино отъ брашенъ воздержаніе не токмо пользуется мене, но и болши осуждаетъ и бѣсамъ уподобляетъ*“ ²⁾.

Не только постъ, молитвы, долгія бдѣнія, каноны и стихиры, жизнь въ пустынѣ, безъ исполненія заповѣдей Христовыхъ, особенно заповѣди о милосердіи къ бѣдному и нищему, не спасаютъ человѣка, но и самое дѣвство, которымъ такъ гордятся монахи, не спасетъ ихъ. „Страшнаго судилища бойтесь, говоритъ Максимъ, еже *ниже дѣвства, ниже Творца чудесами оправдаетъ*, понеже во своихъ сосудѣхъ не стяжаша масла, сирѣчь, о убогихъ, озлобляемыхъ лютѣ мразомъ и гладомъ и всякою нуждею, не попекошася“ ³⁾.

Единственно, что спасаетъ всякаго человѣка, а слѣдовательно, и монаха, единственно въ чемъ заключается истинное, настоящее монашество,—это дѣятельное исполненіе заповѣдей Христовыхъ,—полное всецѣлое осуществленіе ихъ въ нашей жизни. „Да бдимъ съ мудрыми дѣвами, поучаетъ преп. Максимъ, возьмемъ елей доволенъ съ собою, глаголю

¹⁾ II, 161, 349.

²⁾ III, 258. II, 246:

³⁾ II, 273.

же: еже ко всѣмъ вкупѣ въ нуждахъ и скорбѣхъ живущимъ *богоподобно челоуѣколюбіе и милость*, нмѣже наипаче милосердится о насъ всѣхъ Творецъ и Владыка, о нихже буя небрегше, затворишася внѣ таинственнаго невѣстника, *ничимъ же пользовавшися своимъ дѣвствомъ*“. Въ словѣ „о покаяніи“ преп. Максимъ говоритъ: „аще убо воистину и отъ всея души вѣруемъ Спасу Христу, и желаемъ безконечнаго царствія Его дѣломъ да покажемъ, а не словомъ и внѣшними *сими* платы, вѣру нашу ко святымъ заповѣдямъ Его; зане вѣра безъ дѣлъ мертва есть и отнюдь бесплодна“. Въ словѣ „къ хотящимъ оставлять жены своя безъ вины законныя и ити во иноческое житіе“ преп. Максимъ поучаетъ: „вѣсть, что *иноческое житіе ничтоже ино есть, точію прилежное исполненіе спасительныхъ заповѣдей божественнаго и поклоняемаго Христова евангелія*, сирѣчь: всяка правда, всяка милость, и милосердіе, и любы нелицемѣрна, смиреніе сердечное, кротость, цѣломудріе, презрѣніе богатства гибнущаго; славы мірскія и чести и тщеславія и всякаго лихоиманія отложеніе... Не ризнымъ бо примѣненіемъ и брашеннымъ воздержаніемъ благовѣріе христіанское состоится, а премѣненіемъ отъ злыхъ поганскихъ обычаевъ и воздержаніемъ отъ всякія злобы и душегубительныхъ страстей плоти и духа“. И въ другомъ мѣстѣ преподобный заявляетъ: „дѣланію бо настоящій вѣкъ есть, сирѣчь, добрыхъ дѣлъ явленіе, а будущій воздаянію, а не очищенію“. Истинный инокъ, по Максиму, есть тотъ, кто дѣятельно, не только словомъ, но и самымъ дѣломъ проявляетъ свою любовь къ ближнему, кто „бываетъ милосердъ, щедръ, нищелюбецъ и милостивъ ко всѣхъ вкупѣ, въ скудости и различныхъ бѣдахъ живущимъ“, вообще, кто спасительныя заповѣди Христа „прилежнѣ совершаетъ словомъ и дѣломъ“ ¹⁾.

Если такимъ образомъ монашескіе обѣты, черныя ризы, долгія посты, молитвы и бдѣнія, дѣвство, пустынная жизнь, продолжительное пѣніе стихиръ и каноновъ сами по себѣ не спасаютъ и не могутъ спасти монаха, такъ какъ всѣхъ могутъ спасти и дѣйствительно спасаютъ только правая вѣра и дѣятельное живое исполненіе заповѣдей Божіихъ,—вѣра, соединенная неразрывно съ добрыми дѣлами, направ-

¹⁾ II. 120. 146, 238—239, 259. 397, 400.

ленными на нашихъ ближнихъ, особенно бѣдныхъ меньшихъ братій; то само собою слѣдуетъ, что монашество вовсе не есть необходимое условіе для спасенія человѣка, какъ думало значительное большинство русскихъ; само собою слѣдуетъ, что мірской человѣкъ и безъ монашества, постоянно живя и дѣйствуя въ міру и неразрывая съ нимъ связей, можетъ спастись. Такъ дѣйствительно и думаетъ, такъ и учитъ преп. Максимъ.

Рѣшительно возставая противъ тѣхъ русскихъ, которые, побуждаемые ложно понимаемыми заботами о спасеніи своей души, стремились развестись съ своими женами, чтобы идти въ монастырь и тамъ спастись, преп. Максимъ заявляетъ, что каждый человѣкъ и „въ мірскомъ чину“, истинно благоугождая Богу исполненіемъ Христовыхъ заповѣдей, спасается. Это потому, что вовсе не существуетъ какого-либо различія между добродѣтелями мірскими и монашескими,—заповѣди Христа, исполненіе которыхъ только и содѣлываетъ наше спасеніе, одинаково обязательны для всѣхъ христіанъ, какъ для монаховъ, такъ и для мірскихъ. Поэтому монахъ, не исполняющій заповѣдей Христовыхъ, не спасается, не можетъ быть наслѣдникомъ царствія Божія; наоборотъ мірянинъ, живя съ женою, воспитывая дѣтей и сохраняя всѣ мірскія связи, если будетъ исполнять заповѣди Христовы, спасется, сдѣлается наслѣдникомъ царствія Божія, такъ какъ дѣло спасенія человѣка, всюду твердитъ преп. Максимъ, всецѣло зависитъ отъ исполненія заповѣдей Христовыхъ, а не отъ монашества. „Не отчайте убо свое спасеніе, поучаетъ преподобный, иже съ женами законно живущей и чада питающей, ниже ищите разрѣшенія отъ нихъ... Иже убо заповѣди Спаса Христа съ прилежаніемъ исполняетъ, и вѣрою несумнѣнною и желаніемъ теплѣйшимъ ко угодію Богу, а не человѣкомъ, той отъ него и у него вѣтнень будетъ и наречется инокъ хотя и въ бѣлмескомъ отъ житія сего изыдетъ“ ¹⁾.

Но если монашескіе обѣты, черныя ризы, посты, долгія стоянія и другіе внѣшніе иноческіе подвиги не играютъ сами по себѣ, по мнѣнію преп. Максима, никакой существенной роли въ дѣлѣ спасенія человѣка,—такъ какъ Хри-

¹⁾ II, 235—239.

стосъ и Апостолы для всѣхъ своихъ учениковъ и послѣдователей сдѣлали обязательными исполненіе всѣхъ своихъ заповѣдей, не подраздѣляя ихъ на заповѣди высшія—для иноковъ, и на заповѣди низшія—для мірянъ, почему нѣтъ и не можетъ быть никакого существеннаго различія между христіанскою добродѣтельною жизнію инокъ и мірянина, — она у того и другого должна строится одинаково на томъ же самомъ для всѣхъ христіанъ единомъ ученіи Христа и Апостоловъ, а спасеніе какимъ либо инымъ путемъ, внѣ дѣятельнаго исполненія заповѣдей Христовыхъ, ни для кого невозможно;—то естественно и самъ собою возникаетъ вопросъ: для чего же въ такомъ случаѣ существуетъ монашество, какъ что-то особое отъ мірянъ по самой своей жизни, цѣлямъ и задачамъ?

По мнѣнію преп. Максима монашество должно существовать во всякомъ христіанскомъ обществѣ, и его отсутствіе въ немъ указываетъ на очень низкій уровень всей религіозно-нравственной истинно христіанской жизни даннаго общества. Это потому, что какъ само монашество, съ одной стороны, является естественнымъ и необходимымъ обнаруженіемъ высшей религіозно-нравственной христіанской настроенности даннаго общества; такъ, съ другой стороны, уже существуя, необходимо оказываетъ самое широкое и благотворное воздѣйствіе на всю религіозно-нравственную жизнь общества, служить прочною опорою и поддержкою всѣхъ его высшихъ религіозно-нравственныхъ стремленій. Но такъ бываетъ только въ томъ обществѣ, гдѣ существуетъ истинное, настоящее монашество, а не монашество неполное и одностороннее, а тѣмъ болѣе монашество искаженное, монашество только внѣшнее, представляющее изъ себя, и по сравненію съ мірскимъ житіемъ, низшую форму христіанской жизни.

Истинное монашество, по мнѣнію преп. Максима, основывается исключительно на ученіи Христа и Апостоловъ, только этимъ ученіемъ, а не какими либо человѣческими ученіями и преданіями, оно руководствуется въ своей жизни и дѣятельности. Оно стремится всецѣло осуществить заповѣди Христа о любви къ ближнему, о правдѣ, милосердіи и проч., почему вся монашеская жизнь и дѣятельность, согласно съ яснымъ и опредѣленнымъ ученіемъ Христа,

направлена на самоотверженное служеніе ближнему, при чемъ это самоотверженіе доходить до пожертвованія своею жизнію за други своя. Истинные монахи, воодушевляемые горячею вѣрою во Христа, пламеннымъ желаніемъ видѣть на дѣлѣ осуществленными Его божественныя заповѣди, желаніемъ доставить торжество Его ученію надъ людскою неправдою, господствующими въ мірѣ страстями и пороками, смѣло идутъ въ исполненный грѣха міръ, чтобы неустанно сѣять въ немъ божественное ученіе Христа, побуждать всѣхъ къ ревностному исполненію заповѣдей Христовыхъ, сами являя тому первый и наглядный для всѣхъ примѣръ. Они являются въ мірѣ самоотверженными представителями любви къ ближнему, безстрашными борцами за Христову истину и правду, мужественными обличителями всякой людской неправды, людскихъ пороковъ и нечестія. Они всегда тамъ, гдѣ зло, пороки и грѣхи грозятъ окончательно восторжествовать надъ добромъ и истиной, и гдѣ ихъ помощь и содѣйствіе, поэтому, особенно цѣнны и необходимы. И если всякій порокъ, всякій грѣхъ, всякая неправда находятъ въ нихъ своихъ неутомимыхъ обличителей, зато и всякое высшее христіанское стремленіе, всякая высшая религіозно-нравственная христіанская настроенность всегда находятъ въ нихъ прочную опору, поддержку и поощреніе. Словомъ истинные монахи—это истинные воины Христовы, это носители и дѣятельные неустанные проводники въ міръ всего христіански святаго, высокаго истиннаго и добраго, — это благодѣтели и защитники всѣхъ бѣдныхъ, несчастныхъ и угнетенныхъ нуждою-ли, бѣдою-ли, людскою-ли неправдою и корыстью.

Понятно теперь, почему преп. Максимъ такъ часто и рѣшительно проповѣдывалъ русскимъ, что монашество состоитъ не въ черныхъ ризахъ, постахъ, долгихъ молитвахъ и стояніяхъ, въ пѣніи стихиръ и каноновъ, что всѣ спеціально монашескія качества и подвиги сами по себѣ не имѣютъ спасающаго значенія, если не сопровождаются дѣятельнымъ исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ, и что спасеніе достижимо и внѣ монашества—въ міру, *что у Христа истинный монахъ тотъ, кто исполняетъ Его заповѣди, хотя бы онъ и былъ бѣлецъ.*

Для того, чтобы истинный монахъ могъ съ успѣхомъ и

безпрепятственно выполнить свое высокое и трудное призваніе: быть продолжателемъ въ мірѣ дѣла Христова, Его св. Апостоловъ и учениковъ ему необходимо обладать опредѣленными и очень высокими духовными качествами, которыя не даются обыкновенному человѣку такъ себѣ, сами собою, но пріобрѣтаются ими постепенно, мало по малу, путемъ долгихъ энергичныхъ усилій, неустанной работы надъ своимъ личнымъ духовно-нравственнымъ усовершенствованіемъ. Въ виду этого человѣкъ, почувствовавшій себя способнымъ стать истиннымъ монахомъ, посвятившій себя на беззавѣтное служеніе Христовой истинѣ, правдѣ и любви, на дѣятельное до полного самопожертвованія служеніе ближнему, отрекается отъ всѣхъ мірскихъ и житейскихъ связей и идетъ въ пустыню или монастырь съ тѣмъ, чтобы здѣсь свободно и безъ помѣхи предаться самоизученію, самоусовершенствованію и всецѣлому самоотреченію въ виду предстоящаго ему великаго и труднаго подвига. Эта для него время искуса, время всесторонней собственной переоцѣнки своихъ силъ и дарованій, время усиленной сосредоточенной работы надъ самимъ собою. Молитва, постъ, чтеніе и изученіе Св. Писанія, внутреннее самоуглубленіе, борьба со всѣми нечистыми вождѣленіями и расположеніями своей души и тѣла, выработка постоянно-устойчивой высокой религіозно-нравственной настроенности, составляютъ его постоянныя занятія въ пустынѣ. И только послѣ такого самоизученія и самоусовершенствованія, только закаливъ себя въ борьбѣ съ своими собственными страстями и похотями, уничтоживъ въ себѣ все грубо личное и эгоистичное, выработавъ въ себѣ полную и всегдашнюю твердую готовность жить только для блага и спасенія своего ближняго, готовность пожертвовать для него самую свою жизнь, монахъ оставляетъ пустыню и идетъ въ міръ, чтобы неустанно дѣлать здѣсь дѣло Божіе. Поучая, исправляя, обличая, помогая всѣмъ нуждающимся въ помощи и защитѣ, онъ, въ то же время, по отношенію къ себѣ самому, не перестаетъ предаваться подвигамъ молитвы, поста, самоограниченія, воздержанія, какъ такимъ средствамъ, которые помогаютъ ему лично восходить на большую и большую высоту нравственного совершенства. Общественно-публичный подвигъ всегда и необходимо сочетается у него неразрывно съ подвигомъ чисто личнаго усо-

вершенствованія, — спасеніе другихъ тѣсно связывается у него съ личнымъ спасеніемъ.

Такимъ образомъ истинное настоящее монашество слается изъ двухъ элементовъ: изъ подвиговъ личного усовершенствованія, какъ необходимаго условія для предстоящей общественной дѣятельности въ мірѣ; и изъ подвиговъ общественно - публичной дѣятельности, какъ осуществленія самимъ дѣломъ заповѣди Христа о любви къ ближнему, какъ необходимое и естественное обнаруженіе высокой истинно христіанской настроенности, пріобрѣтенной настоящимъ монахомъ. Та и другая сторона его жизни и дѣятельности, т. е. и подвиги направленные только на свое личное усовершенствованіе, и подвиги направленные на благо и спасеніе ближняго, находятся въ неразрывномъ единеніи, въ постоянномъ взаимодействіи и ни одно изъ нихъ, во всей своей полнотѣ и совершенствѣ, не можетъ осуществиться безъ другого. Подвиги исключительно въ интересахъ своего личного усовершенствованія и спасенія, есть только фундаментъ, а не самое зданіе; одно стремленіе спасти ближнихъ безъ предварительнаго высокаго личного нравственнаго усовершенствованія является зданіемъ, построеннымъ безъ фундамента на зыбкомъ пескѣ. То и другое, слѣдовательно, взятое въ отдѣльности, не достигаетъ вполне цѣли, и только гармоническое сочетаніе личного подвига съ подвигомъ общественнымъ дѣлаетъ истиннаго монаха.

Въ наущеніе и назиданіе русскимъ преп. Максимъ ярко и живо изображаетъ предъ ними картину строя и дѣятельности латинскаго монашества, которому, по его мнѣнію, русскіе, съ указываемыхъ имъ сторонъ, должны подражать.

Настоятели латинскихъ монастырей, по завѣренію преп. Максима, „ вси исполненни всякія философіи и разума богодохновенныхъ писаній“. Латинскіе монахи, говоритъ преподобный, „не пекутся, како пристяжутъ изобиліи стяжаній, имѣній, стада всяческихъ скотовъ, ниже всякія сокровища на земли, злата и сребра; едино у нихъ преизобильно стяжаніе и сокровище неистощаемое есть: *прилежнѣйшее соблюденіе и скончаніе всехъ евангельскихъ заповѣдей*, ими же скоро и удобо исправляется у нихъ главизна добродѣтелей — *любовь яже къ Богу и ближнему своему*, ея же ради день и ношь *тружуются во святыхъ писаніяхъ*, ими же просвѣщаемы,

паче и паче разжигаютъ себѣ углие божественныхъ желаній, отъ нихъ же двизаемы и поставляемы, *молчати не терятъ слово спасительное и учительное же о славѣ Божіи, и учаще безъ престоани во церкви* благодать Господня и свидѣтельствующе всякому человѣку неисчетное человѣколюбіе и благость“. Латинскіе монахи „аки чадолюбивіи отцы, *некушесе безпрестани о спасеніи многихъ*, честни бывають всѣмъ вкупѣ и любими“. Они „понеже царствіе Божіе, сирѣчь, *спасеніе и ближнихъ своихъ*, прилежно и якоже богоугодно *взыскують ученіи всякими и частыми*, яже отъ божественныхъ писаній, себе же и *послушающихъ ихъ спасаютъ*, въ лѣпоту и правду и человѣколюбивый Богъ спасаемыхъ *изобилуетъ*, яже къ житію потребная, *поспѣшествующу ему во спасеніе многихъ*“. Описывая указанными чертами дѣятельность и свойства латинскихъ монаховъ, преп. Максимъ говоритъ: „блажени убо воистину, елицы взыскують растити *вину толь пржежаемо ему царствіе правдою его, сирѣчь прилежнымъ дѣланіемъ святыхъ Его заповѣдей, тружającychся безпрестани въ поученіихъ и въ прочитаніи богодокновенныхъ писаній Его; ихъ же тайную силу со усердіемъ всякимъ простымъ людемъ изъясняюще, ученія всяческая отъ себе промышляюще, плодоносятъ выну Владыцѣ своему* душа словесныя *уловлены дотолъ отъ діавола, и сего ради всяко услышать отъ него сіе: благодать вамъ раби предобріи вѣрніи, надъ многимъ поставлю васъ, внидите въ радость Господа своего*“ ¹⁾.

Такимъ образомъ преп. Максимъ признавалъ истинными монахами только тѣхъ, которые прилежно соблюдаютъ и исполняютъ до конца „всѣ евангельскія заповѣди“, „главизною коихъ“ служить любовь къ Богу и ближнему; которые день и ночь трудятся надъ изученіемъ святыхъ писаній, чѣмъ они разжигаютъ въ себѣ „углие божественныхъ желаній“; которые постоянно проповѣдуютъ въ церкви, возвѣщая всѣмъ славу Божію, неисчетное божественное человѣколюбіе и благость; которые, какъ чадолюбивые отцы, заботясь о спасеніи не только своемъ, но и ближнихъ своихъ, всячески стараются научить и просвѣтить ихъ „ученіи всякими и частыми“, направить ихъ жизнь и дѣятельность на путь

¹⁾ III, 185, 188—189, 193—194.

правды и истины и тѣмъ освободить ихъ души отъ сѣтей діавола. Въ послѣднемъ своемъ призваніи: спасать наученіемъ и просвѣщеніемъ многихъ — своихъ ближнихъ, особенно простыхъ темныхъ людей, часто ради своего невѣжества и темноты ведущихъ не христіанскую жизнь, истинный монахъ находитъ свое главное призваніе, смыслъ и оправданіе своего исключительнаго положенія въ православной общинѣ. По мнѣнію преп. Максима только такіе монахи и услышатъ обращенныя къ нимъ слова Господа: благодать вамъ, раби предобріи, вѣрніи; въ малѣ явитесея вѣрніи, надъ многимъ поставлю васъ, внидите въ радость Господа своего.

Истиннаго монаха, прекрасно изучившаго Св. Писаніе, хорошо знакомаго съ свѣтскими науками, неутомимаго церковнаго проповѣдника и учителя, своею горячею проповѣдію спасавшаго своихъ ближнихъ отъ пороковъ и житейскихъ бѣдъ и окончившаго жизнь, за свои смѣлыя обличенія людскихъ неправдъ, мученическою смертію, преп. Максимъ видѣлъ во Флоренціи. Это былъ извѣстный Іеронимъ Саванарола, проповѣди котораго слушалъ и дѣятельностію котораго такъ восторгался и увлекался преп. Максимъ. Конечно, и самъ преп. Максимъ былъ истиннымъ настоящимъ монахомъ, такъ какъ вся его жизнь на Руси была всецѣло посвящена проповѣди евангельскаго ученія, неустанному обличенію нашихъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ, нашихъ заблужденій и суевѣрій, нашей умственной темноты и невѣжества. И преп. Максимъ, за свои смѣлыя обличенія, за свое горячее дѣятельное стремленіе научить русскихъ, просвѣтить и наставить, терпѣлъ гоненія, заключенія и даже онъ, человѣкъ православнѣйшій и святой жизни, былъ публично ославленъ еретикомъ и публично осужденъ какъ еретикъ.

Не мало было и въ древней Руси истинныхъ настоящихъ монаховъ, которые задачею своего монашескаго подвига ставили не свое только личное спасеніе, но и спасеніе своихъ ближнихъ, которые принимали дѣятельное непосредственное участіе въ жизни мірскихъ людей, въ видахъ направить ея теченіе на истинно-христіанскій путь, которые, разжигаемые великою ревностію о славѣ Божіей, шли проповѣдывать ученіе Христа незнающимъ его племенамъ и свой апостольскій подвигъ заканчивали иногда мученическою смертію.

Но, въ общемъ, помимо единичныхъ и исключительныхъ явленій, преп. Максимъ не нашелъ въ современномъ ему русскомъ обществѣ той высокой религіозно - нравственной настроенности, той горячей живой ревности о Христѣ, которая одиѣ дѣлають истинныхъ настоящихъ монаховъ, почему къ тогдашнему русскому монашеству онъ и отнесся въ общемъ отрицательно, поставивъ его по достоинству даже ниже тогдашняго латинскаго монашества.

Мы выше говорили, что истинное настоящее монашество слагается изъ гармоническаго сочетанія двухъ элементовъ: изъ подвиговъ монаха, направленныхъ на личное самоусовершенствованіе, и изъ подвиговъ общественно-публичной его дѣятельности, какъ осуществленія на дѣлѣ заповѣди Христа о любви къ ближнему, какъ естественное и необходимое обнаруженіе приобрѣтенной монахомъ высшей религіозно-нравственной христіанской настроенности.

Къ сожалѣнію русскіе монахи, въ большинствѣ, поняли идеаль монашества, его назначеніе, задачи и цѣли очень узко и односторонне. Они думали, да и сейчасъ думаютъ, что истинное монашество состоитъ только въ подвигахъ личнаго усовершенствованія съ цѣлію своего только личнаго спасенія и что этимъ исчерпывается вся задача и назначеніе монашества. Монахи, думали они, должны разъ навсегда и окончательно порвать всѣ связи съ міромъ, совѣмъ не знать его и для монаха не должно существовать болѣе какихъ либо близкихъ ему въ мірѣ, къ которымъ бы онъ обязанъ былъ какими-либо отношеніями; его единственная задача и призваніе — спасать только самого себя, а не другого. Пусть въ мірѣ царятъ грѣхъ, пороки, горе, бѣды и всякое зло, которые гнетутъ и губятъ нашихъ ближнихъ. Монаху нѣтъ до этого никакого дѣла. Не его обязанность бороться съ царящими въ мірѣ пороками и зломъ, спасать отъ нихъ своихъ братій о Христѣ, онъ нарочно для того и убѣждалъ изъ міра, чтобы не имѣть никакого дѣла съ мірскимъ зломъ и грѣхомъ, его задача спасать только самого себя, а до ближнихъ въ мірѣ, до ихъ горя, страданій и гибели, ему нѣтъ никакого дѣла,—развѣ одно: при случаѣ онъ можетъ за нихъ помолиться.

Домъ—міръ горитъ, въ его пламени гибнутъ несчастные беззащитные мужи, жены, дѣти; одни—сильные мужествен-

ные люди, все проникнутые къ погибающимъ любовію, съ опасностію собственной жизни бросаются въ пламя, чтобы спасти изъ него своихъ гибнущихъ собратій; другіе энергично борются съ пламенемъ, напрягаютъ все свои силы, чтобы затушить, уничтожить его. Не такъ будто бы должны поступать монахи. При видѣ пламени онъ поспѣшно и съ спокойною совѣстію убѣгаетъ изъ горящаго дома куда нибудь подальше, въ безопасное мѣсто, радуясь и утѣшаясь, что онъ самъ благополучно спасся, что его самого не сожжетъ, а до другихъ, оставленныхъ имъ въ пламени, ему нѣтъ никакого дѣла, — пусть горятъ и гибнутъ; при случаѣ, на свободѣ отъ заботъ о своемъ личномъ спасеніи, онъ за нихъ помолится.

Эта грубо-эгоистическая, чуждая ученію Христа, теорія монашества, признаваемая за правую многими русскими, естественно и необходимо должна была сказаться на нашемъ монашествѣ, поскольку оно строится по этой теоріи. самыми печальными послѣдствіями.

Исполненіе всехъ заповѣдей Христовыхъ, что, по мнѣнію преп. Максима, составляетъ необходимое условіе спасенія каждаго человѣка, очевидно, никакъ не можетъ быть достигнуто внѣ міра, внѣ тѣсной связи съ нимъ. Когда монахъ, разорвавъ все связи съ міромъ, поселяется въ пустынь, то онъ, понятно, сразу освобождается отъ тѣхъ многихъ пороковъ и недостатковъ, которые могутъ возникать и развиваться только при живомъ дѣятельномъ общеніи съ другими людьми: онъ болѣе не гнѣвается и не ссорится, потому что не съ кѣмъ; онъ не завидуетъ, потому что никому; онъ не дѣлаетъ никакого зла другому, потому что нѣтъ этого другого; онъ болѣе не сребролюбивъ, потому что нѣтъ серебра и т. д. Такимъ образомъ въ пустынь монахъ сразу освобождается отъ цѣлой массы недостатковъ, грѣховъ и пороковъ, которые могутъ возникать и существовать только когда человѣкъ живетъ въ тѣсномъ непрерывномъ общеніи съ другими. Это, конечно, очень важная и выгодная сторона пустынного монашескаго жительства. Но оно имѣетъ и свою обратную сторону. Если монахъ, живя въ пустынь, не можетъ, по самому существу дѣла, проявить многія отрицательныя качества, свойственныя мірской общественной жизни, за то, съ другой стороны, онъ не можетъ

проявить, по той же самой причинѣ, и многихъ положительныхъ качествъ, безъ которыхъ однако, по справедливому мнѣнію преп. Максима, спасеніе человѣка невозможно. Чтобы спасти себя, монахъ долженъ исполнить самымъ дѣломъ всѣ заповѣди Христовы; но пустынная разобщенная съ міромъ жизнь дѣлаетъ это для него невозможнымъ. Какъ можетъ проявить такой монахъ миръ, кротость, милосердіе, любовь къ ближнимъ; какъ онъ можетъ помогать бѣднымъ, несчастнымъ, сирымъ, заключеннымъ, когда около него нѣтъ другихъ людей, совѣтъ нѣтъ, такъ сказать, самыхъ объектовъ, на которыхъ и при посредствѣ которыхъ только и возможно на дѣлѣ осуществить заповѣди Христа? Необходимо и неизбежно поэтому убѣжавшій изъ міра монахъ оставляетъ въ своей жизни неисполненными большую часть заповѣдей Христовыхъ,—онъ для него необходимо дѣлаются даже чѣмъ-то стороннимъ, его не касающимся, чѣмъ-то ему вовсе ненужнымъ. Поэтому-то пустынное, вполне отрѣшенное отъ міра монашеское жителство, должно имѣть и дѣйствительно имѣть только временное значеніе, такъ какъ оно, по самому существу дѣла, не можетъ сопровождаться исполненіемъ всѣхъ заповѣдей Христовыхъ, а потому оно одно не можетъ вести человѣка и къ спасенію. Конечно поэтому тѣ пустынники, которые успѣвали достигать въ пустынѣ дѣйствительнаго высшаго личнаго нравственнаго совершенства, не только не разрывали связи съ міромъ, но и принимали у себя всѣхъ искавшихъ у нихъ утѣшенія, совѣта, назиданія, помощи въ бѣдѣ и нуждѣ, въ болѣзни и несчастіи. Они, свою достигнутую подвигомъ полноту высшей нравственно-религіозной силы, стремились разными путями излить въ міръ для его уврачеванія, назиданія, улучшенія, смягченія его скорбей и немощей, не говоря уже о томъ, что они не отказывались принимать и непосредственное дѣятельное участіе въ дѣлахъ міра, чтобы помочь лучшимъ его людямъ побороть или ограничить и смягчить чрезмѣрно развившееся въ мірѣ то или другое зло.

Значить, полное, всецѣлое и навсегда разобщеніе монаха съ міромъ не только не можетъ вести его ко спасенію, какъ думали, да и сейчасъ думаютъ многіе русскіе, но наоборотъ: оно служитъ прямымъ яснымъ показателемъ упадка монашества, искаженія его истиннаго характера.

Въ самомъ дѣлѣ. Монахъ бѣжитъ отъ міра за искусственно устроенную ограду, — въ монастырь, потому что въ мірѣ царствуетъ зло и грѣхъ бѣжитъ съ тѣмъ, чтобы навсегда остаться въ монастырѣ, никуда уже не выходя изъ него. Но, понятно, бѣгство есть признаніе своего полного безсилія, своей немощи, страха и слабости; бѣжитъ тотъ, кто боится, кто не чувствуетъ себя въ силахъ бороться и побороть зло; бѣгство отъ зла, безъ борьбы съ нимъ, не уничтожаетъ зла, но скорѣе усиливаетъ его. А между тѣмъ задача всякаго истиннаго христіанина, а слѣдовательно и монаха, бороться съ господствующимъ въ мірѣ зломъ, всячески уменьшать его и уничтожать, — не бѣжать нужно отъ зла, а сражаться съ нимъ. Истинный настоящій монахъ — истинный воинъ Христа, видя врага смѣло идетъ на него, борется съ нимъ и, съ помощію Христа, побѣждаетъ его. Только слабый человѣкъ — монахъ не настоящій, при видѣ зла въ мірѣ, боязливо спѣшитъ поскорѣе убѣжать отъ него въ безопасное мѣсто — за монастырскую стѣну, чтобы всю жизнь просидѣть тамъ въ уединенной замкнутой отъ всего мірскаго келліи, утѣшаясь сознаніемъ, что зло міра тутъ его уже не достанетъ. Едва ли такого воина можно назвать истинно храбрымъ и мужественнымъ воиномъ Христовымъ; какъ едва ли можно назвать храбрымъ и мужественнымъ то войско, которое, при видѣ непріятеля, поспѣшно бѣжитъ, чтобы поскорѣе скрыться за искусственныя укрѣпленія съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не показываться изъ-за нихъ на полѣ брани. Ни одно государство не пожелаетъ имѣть у себя подобной арміи.

Понятно теперь, почему преп. Максимъ долженъ былъ отнестись къ современному ему русскому монашеству отрицательно. Московская Русь была покрыта въ то время множествомъ монастырей. Но какъ были устроены эти монастыри, что они изъ себя въ большинствѣ представляли?

Настоящій истинный монастырь — это цитадель истиннаго христіанства, гдѣ собрано отборное войско для борьбы со врагами, гдѣ все устроено и организовано такъ, чтобы въ любой моментъ можно было выпустить прекрасно вооруженную и ранѣе прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ подготовленную рать Христовыхъ воиновъ, которые появляясь на полѣ брани — въ мірѣ, съ одной стороны, поражали бы и истреб-

ляли здѣсь врага—зло царящее въ мірѣ, людскіе пороки, невѣжество, грубыя страсти и всякія неправды; съ другой—вносили бы въ міръ свѣтъ, правду, любовь и миръ. Монастырь долженъ именно воспитывать такихъ истинныхъ воиновъ Христа и имѣть къ тому всѣ необходимыя средства, такъ что настоящій монастырь—это школа, воспитывающая просвѣщенныхъ, мужественныхъ, стойкихъ борцовъ, всегда готовыхъ все претерпѣть, даже самую смерть, ради спасенія своихъ ближнихъ. Въ то же время настоящій монастырь служить убѣжищемъ-пріютомъ для тѣхъ воиновъ Христовыхъ, которые изнемогли отъ своей боевой подвижнической жизни и дѣятельности въ мірѣ, и потому нуждаются въ покое и отдыхѣ, въ подкрѣпленіи своихъ ослабѣвшихъ силъ, въ освѣженіи, расширеніи и углубленіи своихъ знаній, на которыя міръ предъявляетъ настойчивыя требованія. Между настоящимъ монастыремъ и міромъ не только никогда не прерывается тѣсная постоянная связь, но ни одно изъ нихъ не можетъ нормально жить и развиваться безъ другого: міръ даетъ настоящему монастырю своихъ убѣжденныхъ сыновъ, монастырь, принимая ихъ, вырабатываетъ изъ нихъ настоящихъ воиновъ Христовыхъ, которые, окончательно сформировавшись въ монастырѣ и снова появляясь въ мірѣ, вносятъ въ него свѣтъ Христовъ, истину и правду Его, милость и любовь, и тѣмъ содѣйствуютъ высокому и истинно христіанскому религіозно-нравственному развитію всего общества и цѣлаго народа.

Но, къ сожалѣнію, такихъ монастырей у насъ не было, да тогда, во время преп. Максима, и не могло быть, такъ какъ русскіе были совсѣмъ необразованы, въ большинствѣ даже безграмотны и прямо невѣжественны, почему додуматься сами до устройства настоящихъ монастырей они не могли,—это было внѣ ихъ тогдашнихъ средствъ и силъ. Отъ грековъ же они приняли обычные въ Россіи монастыри, которыхъ и держались. Поэтому-то, конечно, и самъ преп. Максимъ, такъ горячо и энергично ревновашій о поднятіи на Руси уровня монашеской жизни, указывалъ русскимъ, какъ на образецъ для подражанія, не на греческіе, а на латинскіе монастыри.

Русскіе, какъ мы уже говорили, имѣли своеобразныя представленія о монашествѣ. Въ большинствѣ они были убѣж-

дены, что уже одни монашескіе обѣты, сами по себѣ, спасительны, что если монахъ, отказавшись отъ семейной жизни, надѣваетъ черныя ризы, усердно постится, по возможности неопустительно посящаетъ всѣ монастырскія церковныя службы, по возможности часто поетъ каноны и стихиры; то одного этого, т. е. только чисто внѣшнихъ подвиговъ благочестія для него уже вполне достаточно, чтобы спастись. Объ обязанности монаха исполнять самымъ дѣломъ всѣ заповѣди Христовы, объ его обязанности спасать другихъ, дѣятельно бороться съ господствующимъ въ мірѣ зломъ, помогать всѣми средствами и способами ближнимъ въ ихъ бѣдахъ и нуждахъ, служить имъ и даже жертвовать ради нихъ своею жизнію, большинству русскихъ монаховъ даже и на умъ не приходило. Они за тѣмъ и бѣжали изъ міра въ монастырь, чтобы навсегда скрыться за монастырскими стѣнами отъ господствующихъ въ мірѣ пороковъ, страстей и всякаго зла, и потому они не должны имѣть болѣе съ ними никакого дѣла,—ихъ путь спасенія иной, чѣмъ путь спасенія мірскихъ людей, отъ всякихъ связей съ которыми они окончательно и навсегда нарочно отдѣлились монастырскою стѣною. Мірскіе люди, живя въ мірѣ, могутъ соблюдать и, по возможности, дѣйствительно соблюдаютъ всѣ заповѣди Христовы; они по необходимости, хотя бы ради спасенія своихъ собственныхъ дѣтей и другихъ кровныхъ, энергично и неустанно борются, доступными для нихъ средствами и способами, съ господствующимъ въ мірѣ зломъ, съ людскими пороками, недостатками, неправдами, всячески стараются смягчить людскія скорби, несчастія и бѣды, которыя, вѣдь, могутъ постичь и ихъ собственныхъ дѣтей и близкихъ, почему и ихъ собственные дѣти могутъ когда либо нуждаться въ чужомъ участіи, въ чужой помощи, въ чужой ласкѣ и любви. Не то въ нашихъ монастыряхъ, гдѣ заключились люди не противящіеся злу, а только пассивно, бѣгствомъ спасающіе себя отъ зла. Какъ скоро въ монастыряхъ отвергнута была мысль о необходимости для монаха исполнять самымъ дѣломъ всѣ заповѣди Христа, главною которыхъ служить любовь къ ближнему, до пожертвованія за него своею жизнію; какъ скоро монахи признали, что имъ не слѣдуетъ противляться злу, царящему въ мірѣ, а нужно только пассивно бѣжать и скрываться отъ него,

хотя бы то и за искусственныя стѣны, имъ уже по необходимости приходилось избирать иной путь спасенія, во многомъ существенно отличный отъ того пути, который ясно и опредѣленно указанъ для всѣхъ самимъ Христомъ; имъ по необходимости приходилось создавать, въ замѣнъ исполненія ясныхъ заповѣдей Христа, особые монашескіе подвиги, спеціальныя монашескія добродѣтели, спеціальныя монашескія качества, которыя коренятся и вытекаютъ уже не изъ прямого ученія Христова, а изъ особыхъ спеціальныхъ монашескихъ обѣтовъ, правилъ и уставовъ. Но отрываясь отъ своей единственно настоящей основы—ученія Христа и постепенно теряя съ нимъ тѣсную неразрывную связь, такое монашество необходимо и неизбежно должно было божественное ученіе Христа о спасеніи подмѣнить ученіемъ человѣческимъ; чтеніе и изученіе Евангелія, чтеніемъ и изученіемъ разныхъ тенденціозно составленныхъ монашескихъ изрѣченій, повѣствованій и разсказовъ; заповѣди Христа—человѣческими уставами; святой высокій идеаль христіанина—идеаломъ инока; послушаніе Христу—послушаніемъ старцу; волю Христа—волею настоятеля монастыря ¹⁾).

Такъ необходимо и неизбежно, какъ скоро монашествомъ отвергнуто было коренное, основное условіе спасенія человѣка,—самымъ дѣломъ исполнять въ жизни всѣ заповѣди Христа, какъ скоро имъ было усвоено то совершенно ложное, несогласное съ ученіемъ Христа, воззрѣніе, что монахъ долженъ и обязанъ спасать только самого себя, а ни какъ не другихъ, у насъ создались монашество и монастыри не настоящіе.

Слѣдовательно, по самому существу, по самой своей постановкѣ и строю, русскіе тогдашніе монастыри не могли удовлетворить преп. Максима, предъявлявшаго къ монастырямъ, монашеской жизни и дѣятельности высокіе нормы и идеалы Христова ученія, и уже по одному этому преп. Максимъ долженъ былъ отнести къ тогдашнимъ нашимъ монастырямъ и монашеству отрицательно.

Отрицательное отношеніе преп. Максима къ нашимъ монастырямъ и монашеству еще болѣе усилилось, когда онъ ближе познакомился съ тѣмъ, что такое представляли изъ

¹⁾ См. т. II, стр. 43, 93, 99, 113—114, 136—137.

себя наши монастыри и монашество въ дѣйствительности, какой духъ и направленіе всюду царили въ нихъ.

Чтобы понять всю силу, горечь и полную справедливость обличеній преп. Максима противъ нашихъ монастырей и монашества, необходимо прежде всего познакомиться съ свойствами и характерными особенностями того матеріала, который міръ давалъ и сей-часъ даетъ нашимъ монастырямъ, изъ котораго слагалось тогда, да и сей-часъ слагается, монашество большинства нашихъ монастырей.

Мы можемъ отмѣтить четыре разряда людей, которые у насъ поступали и сей-часъ поступаютъ въ монастыри, и которые своими особенностями придаютъ своеобразный характеръ нашему монашеству.

I. Въ монастырь изъ міра уходятъ люди или сильно помѣтые или же и прямо искалѣченные жизнию. Жить долѣе въ міру, среди обычной житейской обстановки, такимъ людямъ, по разнымъ причинамъ, становится наконецъ не подъ силу и они бѣгутъ въ монастырь, чтобы тамъ найти миръ, покой, забвеніе тяжелаго прошлаго. Это люди больные, замкнутые въ себѣ, занятые своимъ горемъ и своею бѣдою, загнанными ихъ въ монастырь. Они постоянно боятся, чтобы какое либо соприкосновеніе съ міромъ не вскрыло ихъ прежнихъ мучительныхъ ранъ, которыя окончательно у нихъ не заживаютъ никогда, поэтому они бѣгутъ отъ людей и желаютъ только одного: тихо, незамѣтно, по возможности спокойно и примиренными со всѣми, окончить въ монастырѣ свою несчастную жизнь. Этотъ разрядъ лицъ, конечно, никогда не игралъ, да и не могъ играть въ нашихъ монастыряхъ замѣтной активной роли.

II. Большинство, собственно главный и основной элементъ монастырскихъ насельниковъ,—это люди неприладившіеся ни къ чему въ мірской жизни, оказавшіеся неспособными вести въ мірѣ разумную, дѣятельную, здоровую жизнь, у которыхъ не хватаетъ ни силъ, ни энергіи, ни характера завоевать или создать себѣ среди другихъ прочное и опредѣленное, удовлетворяющее ихъ, положеніе, и, въ то же время, люди, по своему, благочестивые, благонамѣренные и даже, особенно въ минуту житейскихъ неудачъ, думающіе о спасеніи своей души. Въ мірѣ ихъ часто зовутъ неудачниками или несчастливцами, которымъ никогда не дается счастье, за что бы они

не брались. Они слабовольны, малосильны, ихъ все способно смутить, соблазнить, ввести въ грѣхъ, и такъ какъ ихъ личная воля очень слаба, то они особенно воспримчивы ко всякому внѣшнему воздѣйствію, а, слѣдовательно, и ко всякому искушенію. У нихъ, въ большинствѣ случаевъ, почти совсѣмъ нѣтъ никакого внутренняго содержанія, никакихъ внутреннихъ собственныхъ устоевъ и вотъ они, побившись въ мірѣ, не сумѣвъ приладиться въ немъ никуда, идутъ наконецъ въ монастырь, чтобы найти себѣ здѣсь то настоящее дѣло, какого они не нашли, или, вѣрнѣе, не сумѣли найти въ мірѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ шагомъ они думаютъ за одно и спасти свою душу, такъ какъ самый фактъ своего вступленія въ монастырь они признаютъ за великій подвигъ, который самъ по себѣ открываетъ имъ прямой путь къ спасенію, почти совсѣмъ будто бы закрытый для нихъ мірскою жизнію. Въ большинствѣ эти мірскіе неудачники поставляются тою средою, въ которой отсутствуетъ всякое образованіе, почему такіе насельники монастырей бываютъ обыкновенно малограмотны, а, нерѣдко, и совсѣмъ безграмотны. Являясь въ монастырь, они вносятъ въ него вмѣстѣ съ собою всѣ свои низменные стремленія, свои мелкіе страстишки, всѣ свои, отъ невѣжества происходящія, суевѣрія и предрасудки, всю узкость и все убожество своихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и пониманія. За то имъ совершенно чужды и даже совершенно непонятны бываютъ всѣ высшіе духовные порывы и стремленія, высшія идеальныя требованія, необходимость внутренней неустанной работы надъ своимъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ, необходимость полного перевоспитанія себя на основѣ ученія Христа, необходимость, такъ сказать, одухотворенія и облагороженія своего собственного грубо-эгоистичнаго я. Объ обязанности не только помогать и служить своему ближнему, живущему въ мірѣ, всѣми своими силами и дѣятельностію, но и жертвовать за него самою своею жизнію, имъ и на умъ не приходитъ. Естественно, что такой человѣкъ весь свой монашескій подвигъ понимаетъ чисто внѣшне, грубо матеріально и механически; самое монашество для него состоитъ только въ черной одеждѣ, постахъ, исправномъ, по возможности, хожденіи въ церковь, въ келейномъ вычитываніи положенныхъ

уставомъ правилъ. Такой монахъ иногда, въ видахъ болѣе вѣрнаго спасенія своей души, готовъ и на особый подвигъ; но дальше ношенія тяжелыхъ веригъ, лишняго усиленнаго поста, лишннихъ сотенъ-двухъ земныхъ поклоновъ въ день онъ очевидно не пойдетъ, такъ какъ богатая и разнообразная внутренняя духовная жизнь, высшія стремленія и потребности духа ему совсѣмъ неизвѣстны, и потому внутренній духовный подвигъ и его результатъ—высшая религіозно-нравственная настроенность, являются для него недостижимыми.

Такой монахъ, лишенный собственныхъ внутреннихъ устоевъ, собственной нравственной силы и энергіи, не имѣя въ самомъ себѣ внутренней сдерживающей его силы, легко подчиняется всякимъ соблазнительнымъ внѣшнимъ вліяніямъ мірской жизни, самому бороться съ которыми у него не хватаетъ ни силъ, ни характера; такой монахъ, благодаря своей внутренней неустойчивости и разслабленности, каждую минуту готовый преткнуться и пасть отъ всякихъ мірскихъ соблазновъ,—естественно нуждается во внѣшнихъ опорахъ и устояхъ, какими и являются для него монастырскія стѣны, монастырская дисциплина, монастырскіе уставы и разныя правила иноческаго жительства. Они имѣютъ цѣлю, хотя бы сколько нибудь подкрѣпить шаткую, неустойчивую волю слабаго монаха, поддержать его, всегда готоваго пасть, отъ окончательнаго паденія; оградить его, хотя бы внѣшними и принудительными средствами, отъ міра, съ его непреодолимыми для такого монаха соблазнами и искушеніями.

Понятно само собою, что ни на какіе просвѣтительные подвиги такіе монахи неспособны, потому что они сами невѣжественны, въ большинствѣ сами нуждаются хотя бы въ самомъ элементарномъ обученіи, котораго у нихъ нѣтъ; понятно, что они неспособны и на подвиги, требуемые борьбою съ господствующимъ въ мірѣ зломъ, потому что у нихъ нѣтъ силъ и средствъ на подобную борьбу; неспособны они и на разныя подвиги ради помощи бѣднымъ, больнымъ, сиротамъ и несчастнымъ своимъ братьямъ ближнимъ, живущимъ въ мірѣ, потому что они сами слабы и беспильны, сами требуютъ постоянной сторонней опеки, опоры и поддержки, да къ тому же: всякое непосредственное соприкосновеніе съ міромъ и всѣмъ мірскимъ грозитъ имъ разными соблазнами и искушеніями, отъ которыхъ они могутъ только

пасть окончательно. Поэтому на долю такихъ монаховъ, по-видимому, остается одно: вѣчно, безвыходно сидѣть за тѣми монастырскими стѣнами, за которыя они разъ попали; ихъ единственный духовный подвигъ,—въ виду ихъ полной неспособности самымъ дѣломъ исполнять всѣ заповѣди Христа, должна быть молитва, служащая для нихъ и утѣшеніемъ и подкрѣпленіемъ; ихъ постоянная нравственная настроенность должна выражаться въ смиренномъ сознаніи и рѣшительномъ признаніи своей немощности, своей слабости и безсилія, своей неспособности жить и спастись какъ учить этому Самъ Христосъ, въ признаніи, что ихъ жизнь представляетъ низшую форму даже сравнительно съ жизнью мірскихъ людей, которые болѣе или менѣе дружно и неустанно борются съ господствующимъ въ мірѣ зломъ, съ людскою неправдою, испорченностію, которые всячески стремятся ослабить и смягчить людскія бѣды, несчастія и страданія.

Но въ дѣйствительности у этихъ монаховъ мы не только не встрѣчаемъ указаннаго смиренія, сознанія своей нравственной несостоятельности, своей неспособности жить по заповѣдямъ Христа, а встрѣчаемъ какъ разъ обратное. Они именно только себя считаютъ „цвѣтомъ христіанства“, „солью земли“, вѣрными и единственными выразителями „православнаго идеала монашества“, единственно „истинными настоящими монахами“. Ко всему міру въ совокупности, и ко всѣмъ живущимъ и работающимъ въ мірѣ, они относятся презрительно-отрицательно, какъ къ чему-то нечистому и оскверненному, отъ чего монахъ долженъ бѣгать, чтобы какъ нибудь не замарать, не испроказить себя отъ соприкосновенія съ этимъ нечистымъ; отрицательно они относятся и къ тѣмъ истиннымъ настоящимъ монахамъ, которые, желая исполнить самымъ дѣломъ всѣ заповѣди Христа, не только не разрываютъ своихъ связей съ міромъ, но и служатъ для него свѣтомъ, утѣшеніемъ, опорой, которые вообще служатъ міру въ духѣ ясныхъ и опредѣленныхъ требованій ученія Христа, не признаваемыхъ нашими монахами.

III. Кромѣ указанныхъ нами лицъ, отличающихся низкимъ умственно-нравственнымъ развитіемъ и пониманіемъ, слабою шаткою волею, постоянною склонностію и готовностію

соблазниться и пасть, въ наши монастыри шли и сей-часъ идутъ люди очень умные, энергичные, съ твердымъ сильнымъ характеромъ, которые, вступая въ монастырь, намѣчали для своей дѣятельности опредѣленные задачи и затѣмъ твердо и неуклонно шли къ разъ намѣченной цѣли. Среди сѣренькой безразличной массы заурядныхъ обычныхъ монаховъ они скоро выдѣлялись своими способностями, своею дѣловитостію и своимъ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ. Такой умный монахъ, поступивъ въ монастырь, прежде всего выучивается твердо и, по возможности, безъ ошибокъ читать, выучивается и писать, насколько возможно для него, грамотно, безъ особенно рѣзкихъ и грубыхъ ошибокъ. Затѣмъ настойчиво усердно прочитываетъ нѣсколько аскетическихъ назидательныхъ книжекъ, заучиваетъ изъ нихъ нѣсколько рассказовъ, случаевъ, изрѣченій, чтобы, гдѣ требуется, умѣть сказать: такой-то авва, одинъ святой старецъ, одинъ благочестивый мужъ, одинъ мудрый братъ, сдѣлалъ, изрекъ то-то. Благодаря своей относительной грамотности и нѣкоторой условной начитанности, такой монахъ уже выдвигается изъ ряда другихъ какъ книжный, просвѣщенный человѣкъ, темная масса монаховъ начинаетъ чувствовать къ нему особое почтеніе и уваженіе, тѣмъ болѣе, что такой монахъ и по внѣшней манерѣ держать себя обыкновенно счастливо выдѣляется изъ ряда грубоватыхъ собратій: онъ держитъ себя прилично и съ возможнымъ для него тактомъ, знаетъ, гдѣ сказать, гдѣ помолчать, умѣетъ обойтись, какъ слѣдуетъ, съ нужнымъ или сильнымъ человекомъ и т. под. Такіе умные и энергичные монахи, часто властные и честолюбивые по природѣ, постепенно и умѣло продвигаются на видныя, вліятельныя мѣста въ монашеской общинѣ и, наконецъ, становясь монастырскою властію, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ все управленіе монастыремъ, весь надзоръ за его внутреннею и внѣшнею жизнію, на характеръ и складъ которой они оказываютъ рѣшительное вліяніе. По своимъ общимъ воззрѣніямъ, по своему нравственно-религіозному уровню, по своему пониманію самого монашества, они ничѣмъ существенно не отличаются отъ общей окружающей ихъ массы рядоваго монашества, такъ какъ и они въ дѣйствительности, такъ же необразованы и невѣжественны, такъ же мало способны понять и

придавать цѣну внутренней духовной жизни и дѣятельности человѣка, высшимъ его идеальнымъ запросамъ и требованіямъ, какъ и окружающіе ихъ пноки; и для нихъ, какъ и для послѣднихъ, все монашество состоитъ только въ черныхъ ризахъ, постахъ, въ посѣщеніи церковныхъ службъ, въ келейномъ вычитываніи положенныхъ уставомъ правилъ, и въ чинномъ внѣшне приличномъ поведеніи.

Сдѣлавшись монастырскою властію, такія лица обращаютъ свое главное и исключительное вниманіе не на монаховъ и ихъ духовно-нравственную жизнь, не на средства поднять эту жизнь до возможной высоты и совершенства, а на самый монастырь, т. е. на монастырскія зданія, на монастырское разнообразное хозяйство и вообще, на внѣшнее матеріальное процвѣтаніе монастыря. Они строятъ или улучшаютъ монастырскія зданія, вводятъ въ монастырѣ широкое, образцовое и возможно доходное хозяйство, всячески стараются увеличить разныя доходныя монастырскія статьи, и если ихъ ранѣе не было, то вновь создать ихъ. Благодаря ихъ хозяйственнымъ заботамъ, практичности, ловкости и энергіи создавались въ старое время на Руси богатые обители со множествомъ земли при нихъ, со всевозможными доходными угодьями, со множествомъ крѣпостныхъ крестьянъ, а въ настоящее время, благодаря имъ, строятся хорошія и доходныя монастырскія гостинницы, гдѣ съ удобствомъ всегда могутъ остановиться тароватые богомольцы, а въ городахъ усиленно строятся доходныя монастырскія лавки, разныя подворья съ помѣщеніями для торговопромышленныхъ заведеній; нѣкоторые городскіе монастыри строятъ у себя цѣлыя торговые ряды для сдачи въ аренду и т. п. Въ такой матеріально практической дѣятельности, направленной на матеріальное процвѣтаніе и на обогащеніе монастыря, указанныя монастырскія власти видятъ свое главное и, пожалуй, свое единственное призваніе, свою главную задачу; при томъ они искренно бываютъ убѣждены, что, всячески содѣйствуя чисто матеріальному процвѣтанію монастыря, его обогащенію, они оказываютъ тѣмъ услугу тому преподобному, въ честь котораго или которымъ основанъ монастырь, и что въ то же время такою дѣятельностію они несомнѣнно спасаютъ свою собственную душу, такъ какъ они все и всячески усиленно приобрѣтаютъ не для себя

лично, а для святой обители, къ чести и славѣ ея основателя или покровителя.

Такъ естественно и само собою, благодаря преобладающему хозяйственному направленію монастырской жизни и дѣятельности, исходящему отъ самихъ монастырскихъ властей, представителей и заправиль всей монастырской жизни, и вполне одобряемою всею монастырскою братією, на мѣстѣ истиннаго настоящаго монастыря вырастаетъ какое-то хозяйственно-промышленное учрежденіе, только прикрытое вѣншей монашеской формой, нѣчто совершенно чуждое и прямо противное идеѣ истиннаго настоящаго монастыря.

Естественное дѣло, что къ каждому поступающему въ монастырь, указаннаго характера монастырскія власти предъявляютъ вполне опредѣленные требованія, ничего общаго, однако, не имѣющія съ требованіями истиннаго настоящаго монашества, именно: отъ поступающаго обязательно требуется, чтобы онъ всячески, всѣми своими силами служилъ принявшему его монастырю, т. е. чтобы онъ своимъ личнымъ трудомъ и усиліями, тѣмъ или другимъ своимъ умѣньемъ и практическими знаніями служилъ матеріальному процвѣтанію монастыря, накопленію въ немъ богатства, такъ какъ де именно такую дѣятельностію въ пользу святой обители каждый монахъ несомнѣнно спасаетъ и свою собственную душу. Мѣрской человѣкъ, при такихъ условіяхъ, вступивъ въ монастырь, только перемѣняетъ свое вѣншнее одѣяніе, но совсѣмъ не измѣняетъ своихъ мѣрскихъ нравственныхъ качествъ и свойствъ, своихъ влеченій, вкусовъ и занятій; умственная и нравственно - религіозная его жизнь продолжаетъ у него оставаться тою же, какою она была у него въ міру, такъ какъ существенно, а тѣмъ болѣе кореннымъ образомъ, монастырская жизнь ее вовсе не затрогиваетъ, а даже бываетъ наоборотъ: всѣ его мѣрскія практическія умѣнья, ловкости и влеченія всячески поощряются и находятъ въ монастырѣ болѣе широкую арену для своего приложенія и дальнѣйшаго развитія. Власти обыкновенно быстро опредѣляютъ, на что способенъ новый членъ и сейчасъ же, сообразно съ прежними его мѣрскими занятіями, наклонностями и влеченіями, даютъ ему соотвѣтствующее послушаніе въ монастырѣ, такъ что монастырь не только не подавляетъ, не перерабатываетъ, не облагораживаетъ мѣр-

скихъ навыковъ и влеченій монаха, но еще болѣе развивается и усиливаетъ ихъ, только направляя ихъ не на личную исключительно пользу самого монаха, а на пользу и процвѣтаніе всей обители. Со стороны спеціально монашескихъ качествъ монастырь требуетъ отъ всякаго въ него поступающаго только одного: покорнаго и умѣлаго исполненія возложеннаго на него послушанія, по возможности исправнаго, насколько это позволяетъ возложенное на него послушаніе, посѣщенія монастырскихъ церковныхъ службъ и возможно благоприличнаго и, во всякомъ случаѣ, не соблазнительнаго для другихъ внѣшняго поведенія, чтобы оно не служило поводомъ къ нареканіямъ на святую обитель.

IV. Конечно въ наши монастыри поступаютъ и лица по призванію, съ истиннымъ пониманіемъ монашества, съ стремленіемъ осуществить на дѣлѣ истинныя задачи настоящаго монашества, но эти рѣдкія и прямо исключительныя единицы или совершенно теряются и дѣлаются совсѣмъ незамѣтными въ массѣ зауряднаго рядоваго монашества, которое къ такимъ лицамъ относится къ тому же подозрительно и недоброжелательно, какъ къ нарушителямъ порядка, установившейся въ монастырѣ жизни: или же, послѣ напрасной болѣе или менѣе продолжительной борьбы, они незамѣтно и сами примыкаютъ къ общему окружающему ихъ направленію жизни, и, вмѣстѣ съ другими, уже спокойно плывутъ по установившемуся теченію, забывъ о тѣхъ подвигахъ, о какихъ они мечтали при своемъ вступленіи въ монастырь.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, наши монастыри въ большинствѣ, какъ это было во времена преп. Максима, такъ и теперь, превращаются въ хозяйственныя (съ мірскимъ характеромъ) общины, въ которыхъ матеріальное процвѣтаніе обители ставится первою и главною задачею монашеской дѣятельности, при чемъ духовно - нравственное воспитаніе самаго монашества, населяющаго монастырь, отодвигается на задній планъ и даже совсѣмъ игнорируется: въ которыхъ иннокъ прежде всего цѣнится и почитается за его практическую житейскую дѣловитость и ловкость, безъ которыхъ не можетъ созидаться и развиваться матеріальное благосостояніе обители. Такой монастырь вовсе не заботится

о наученіи и просвѣщеніи своей невѣжественной, и часто даже совсѣмъ безграмотной, братіи, такъ какъ въ монастыряхъ нѣтъ для монаховъ школъ и необходимыхъ библіотекъ: въ нихъ, наоборотъ, прочно и крѣпко коренится, порожденное массовымъ невѣжествомъ монашества, убѣжденіе, что для настоящаго монаха просвѣщеніе, образованность, наука не только не нужны и бесполезны, но и прямо вредны, — монаху будто бы гораздо легче спастись при полномъ невѣжествѣ, чѣмъ при широкой научной, хотя бы и строго православной образованности, такъ какъ для спасенія будто бы достаточно знанія одной молитвы Іисусовой. Эта монашеская упрощенная теорія спасенія—возможность спасенія при знаніи только одной молитвы Іисусовой, открываетъ полный просторъ невѣжеству нашихъ монаховъ и устраняетъ всякія заботы, какъ излишнія, о ихъ наученіи и просвѣщеніи. Точно, также такой монастырь совсѣмъ не заботится и о развитіи въ своихъ инокахъ высшей религіозно-нравственной настроенности, о выработкѣ болѣе правильныхъ, въ духѣ ученія Христа, воззрѣній на истинныя задачи, цѣли и дѣятельность монашества, совсѣмъ не приучаетъ, и даже нисколько не поощряетъ и желающихъ иноковъ, къ подвигамъ и дѣятельности ради пользы и спасенія своихъ ближнихъ, безъ чего однако, по ясному ученію Христа, невозможно спасеніе человека. Словомъ—въ такихъ монастыряхъ первое мѣсто занимаетъ самъ монастырь, т. е. монастырскія зданія, монастырское хозяйство, монастырскія церковныя службы и монастырскіе доходы, а ни какъ не монахи, живущіе въ монастырѣ; достоинство такой обители прежде всего опредѣляется ея матеріальнымъ процвѣтаніемъ, чѣмъ богаче обитель, тѣмъ она важнѣе, а не внутренними качествами, внутреннимъ процвѣтаніемъ въ ней самаго монашества. Поэтому и нашъ народъ исторически былъ приученъ самими монахами опредѣлять достоинство нашихъ монастырей съ внѣшней матеріальной точки зрѣнія: на его языкѣ „хорошій монастырь“ значитъ „богатый монастырь“, „плохой монастырь“ значитъ „бѣдный монастырь“; о нравственныхъ качествахъ самыхъ монаховъ народъ обыкновенно не спрашиваетъ, такъ какъ и его интересуетъ только самый монастырь и, особенно, находящаяся въ немъ святыня, а не жизнь монаховъ и ихъ нравственныя качества.

Но какъ скоро наши монастыри стали хозяйственными общинами, преслѣдующими въ своей дѣятельности главнымъ образомъ матеріальное благосостояніе и процвѣтаніе обители, накопленіе въ ней богатствъ, то уже въ силу одного этого обстоятельства, они необходимо должны были поддерживать съ отвергаемымъ и теоретически презираемымъ ими злымъ грѣховнымъ міромъ, самыя разнообразныя, живыя, дѣятельныя, реальныя сношенія. Если міръ весь испорченъ, исполненъ всякаго зла, если въ немъ царятъ грѣхъ и пороки, и потому монахъ и убѣжалъ изъ него; за то въ томъ же грѣховномъ мірѣ находятся въ избыткѣ всѣ тѣ матеріальныя средства, которыхъ совсѣмъ нѣтъ у самихъ монаховъ, но которыя они всегда готовы пріобрѣсти и имѣть у себя ради благосостоянія и процвѣтанія св. обители. Но эти средства нужно добыть изъ міра, такъ или иначе извлечь изъ него, чтобы положить ихъ въ монастырь, для чего, очевидно, никакъ не слѣдуетъ держать обитель вѣчно на запорѣ отъ міра, а наоборотъ: нужно имѣть ея врата широко открытыми, чтобы міръ всегда и свободно могъ входить въ обитель и оставлять въ ней нужныя для ея существованія и процвѣтанія матеріальныя средства, безъ которыхъ монастырь, при неумѣнн или нежеланн монаховъ все пріобрѣтаетъ своимъ личнымъ трудомъ, долженъ прикончить свое существованіе. На мірскіе грѣшныя деньги, на святую милостыню, подаваемую грѣшнымъ обитателемъ лежащаго во злѣ міра, а не на личные заработки иноковъ, создаются наши богатые монастыри. Такъ необходимо возникаютъ и дѣятельно поддерживаются живыя тѣсныя и очень реальныя связи между монастыремъ и міромъ, между бѣжавшими отъ міра монахами и живущими въ мірѣ людьми: міръ самъ по временамъ заходитъ въ открытый для него монастырь, бѣжавшіе отъ міра въ монастырь монахи снова сами возвращаются въ міръ ради матеріальныхъ интересовъ и выгодъ своего монастыря: міръ даетъ, монастырь охотно отъ него беретъ. Полное, очень живое и непрерывное взаимоотношеніе устанавливается между грѣховнымъ міромъ и бѣжавшими отъ міра за монастырскія стѣны монахами, не смотря на очень рѣшительное, повидимому, заявленіе послѣднихъ, что они совсѣмъ не хотятъ знать злаго грѣховнаго міра, изъ котораго они нарочно и навсегда бѣжали,

что они желаютъ и требуютъ отъ міра будто бы одного: чтобы міръ совсѣмъ и навсегда забылъ ихъ, а они—иноки навсегда умрутъ для міра.

Такимъ образомъ идея о полномъ отрѣшеніи отъ міра бѣжавшихъ изъ него за монастырскія стѣны монаховъ, въ цѣляхъ навсегда разорвать съ грѣховнымъ міромъ всякія сношенія и связи, навсегда умереть для него, въ видахъ предаться въ уединенной монастырской келліи покаянію, оплакиванію своихъ грѣховъ и созиданію въ себѣ свободного отъ страстей сердца, въ дѣйствительности, благодаря хозяйственно-матеріальному направленію всей жизни монастырей, переходитъ въ самыя живыя и тѣсныя сношенія иноковъ съ міромъ, сношенія, въ основѣ которыхъ лежатъ матеріальные интересы и расчеты, интересы стяжанія и наживы, т. е. происходитъ необходимо, въ силу ложно понятыхъ и поставленныхъ задачъ и цѣлей монашества, полное извращеніе истиннаго монашества, или точнѣе: подмѣна его монашествомъ ненастоящимъ. Истинный монахъ идетъ въ міръ, чтобы тамъ бороться со зломъ, людскими пороками и неправдами, чтобы неустанно проповѣдывать въ немъ божественное ученіе Христа, сѣять въ немъ и поддерживать все святое, высокое, доброе; ненастоящій монахъ заявляетъ, что онъ навсегда прервалъ всѣ свои связи съ міромъ, совсѣмъ не хочетъ знать его и желаетъ только одного, чтобы міръ забылъ его, какъ онъ самъ окончательно умеръ для міра. Однако, на самомъ дѣлѣ, такой монахъ не только вступаетъ, но и дѣятельно поддерживаетъ живыя, непрерывныя сношенія съ міромъ, охотно покидаетъ свою уединенную келлію, чтобы идти въ грѣховный міръ или для сбора подаяній на обитель, или бродить по переднимъ и пріемнымъ сильныхъ людей и вліятельныхъ дѣльцовъ, ради приумноженія средствъ своей обители, ради доставленія ей новыхъ стяжаній, и т. п.

Отрицаніе большинствомъ нашего монашества того единственнаго пути спасенія, который ясно и опредѣленно указанъ Самимъ Христомъ и который заключается въ исполненіи самымъ дѣломъ всѣхъ заповѣдей Христовыхъ, главизною коихъ служитъ любовь къ ближнему, а ея высшимъ проявленіемъ — пожертвованіе своею жизнію за ближняго: замѣна нашими монахами этого прямаго пути спасенія

иными—спеціальными иноческими подвигами, совершаемыми въ міра и не ради ближнихъ, а въ уединенной, разобщенной съ міромъ монастырской келліи, и исключительно только ради спасенія самого монаха, вызываетъ сильное негодованіе и безусловное осужденіе преп. Максима. Онъ рѣзко говоритъ: „молитвы бо, и сія черныя ризы тогда благопріятна и благочестна Богу суть, *егда съ прилежнымъ соблюденіемъ исполняеши вся заповѣди Божія, не яко же ты разсуждаеши, но якоже Господь твой повелѣлъ и установилъ есть*; ничтоже ино (спасаетъ), точію дѣланіе заповѣдей,—ни долги молитвы ниже воздержаніе отъ брашенъ. *Дѣланія бо ради заповѣдей, поучаетъ преп. Максимъ, узаконена быша вся молитвы, пощенія, бдѣнія, уединенія, о нихже не хвалися; дондеже небрежешъ дѣланіе заповѣдей*“. И затѣмъ обращаясь къ тѣмъ проповѣдникамъ и защитникамъ монашескаго непротивленія злу въ мірѣ, къ тѣмъ самозваннымъ учителямъ, которые, „что повелѣлъ Господь ихъ и уставишь“, подмѣняютъ своими собственными человѣческими измышленіями и установленіями, преп. Максимъ грозно говоритъ: „воистину, лютъ еси (душа такого самозваннаго учителя) прельщена и заблудила еси отъ правошественнаго пути, *и на песцѣхъ назидаети храмину свою, а не на камени твердѣмъ, еже есть соблюденіе дѣломъ всѣхъ заповѣдей Спасовыхъ*“¹⁾.

Признавъ неправильною и несогласною съ яснымъ и опредѣленнымъ ученіемъ Христа о спасеніи самую основу большинства нашего монашества, тотъ путь и тѣ средства, которыми оно думаетъ достигнуть христіанскаго совершенства и спастися, преп. Максимъ даетъ намъ яркое и очень живое изображеніе нѣкоторыхъ сторонъ жизни тогдашняго нашего монашества, чѣмъ наглядно опять подтверждаетъ ту основную свою мысль, что монашество, безъ исполненія самымъ дѣломъ всѣхъ заповѣдей Христовыхъ, не можетъ быть, по своей жизни и дѣятельности, признано и дѣйствительно не есть истинное монашество.

Основною характерною чертою современнаго прел. Максиму русскаго монашества было—владѣніе нашими монастырями землями, съ поселенными на нихъ крестьянами. Наши монастыри были тогда помѣщиками въ собственномъ смыслѣ

¹⁾ II, 43—44.

и помѣщиками самыми богатыми. Троице-Сергіевъ монастырь, на примѣръ, владѣлъ болѣе чѣмъ ста тысячами крестьянъ, его земельныя владѣнія и всякія угодья были буквально громадны. И другіе монастыри владѣли также и множествомъ земель и множествомъ крестьянъ. Конечно были тогда у насъ монастыри и небогатые и даже бѣдные, но и эти монастыри, по примѣру своихъ богатыхъ собратій, всячески усиливались разбогатѣть, пріобрѣсти себѣ всякими средствами побольше земель и крестьянъ. Естественно, что обладаніе большими землями и множествомъ крестьянъ необходимо превращало наши монастыри изъ убѣжищъ для ищущихъ уединенія и спокойствія отъ мірской суеты иноковъ, въ помѣщичьи хозяйственные центры, въ помѣщичьи хозяйственные конторы, гдѣ постоянно кипѣла самая энергичная и вмѣстѣ суетливая мірская и комерческая жизнь и дѣятельность, гдѣ монахи превращались въ истыхъ хозяевъ помѣщиковъ, всецѣло занятыхъ управленіемъ и правильною эксплуатаціею своихъ земель и крестьянъ, гдѣ монахи судили, рядили и карали своихъ рабовъ крестьянъ, или же, оставляя монастырь, разѣзжали по своимъ многочисленнымъ помѣстьямъ, чтобы на мѣстѣ самимъ все видѣть, управить, гдѣ нужно улучшить и расширить мѣстное хозяйство и тѣмъ увеличить монастырскіе доходы. Мірская дѣятельность тогда всецѣло захватывала монаха, снова превращала его въ ретиваго мірскаго дѣльца и не оставляла у него ничего собственно монашескаго,—монахъ кромѣ черной одежды исчезалъ совсѣмъ и на его мѣсто являлся мірской дѣлецъ. Естественно, что и на нравственныхъ качествахъ монашества, на всей его жизни и дѣятельности, это обладаніе землями и крестьянами сказывалось самымъ губительнымъ образомъ: здѣсь все тянуло монаха къ міру, землѣ, все заполняло его душу мірскими помыслами и заботами и монахъ, крѣпко опутанный земнымъ, уже не рвался болѣе къ небесному. Обладаніе землями и крестьянами даже прямо развращало монаховъ,—монахъ становился лѣнивымъ тунеядцемъ, корыстолюбцемъ, великимъ любителемъ пображничать, жестокимъ и немилосерднымъ управителемъ своихъ бѣдныхъ беззащитныхъ крестьянъ.

Лучшія люди того времени прекрасно понимали всю зловредную сторону владѣнія монастырями землями и крестья-

янами, ясно видѣли, что наше монашество въ корнѣхъ подрывается и совсѣмъ развращается отъ этого ненормальнаго положенія нашихъ монастырей. Поэтому, еще до прибытія въ Москву Максима Грека, у насъ уже открыто раздались энергичные голоса противъ владѣнія монастырями помѣстьями и крестьянами, еще до его пріѣзда у насъ возгорѣлась борьба между монахами любостыжательными и нестыжательными. По очень понятнымъ причинамъ громадное большинство монаховъ стояло на сторонѣ стяжателей, которые, въ концѣ, совсѣмъ побѣдили и уничтожили небольшую группу нестяжателей, руководимую преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ.

Вполнѣ естественно было, что преп. Максимъ Грекъ, прибывъ въ Москву и познакомившись здѣсь съ положеніемъ дѣлъ относительно монастырскихъ владѣній, всталъ всецѣло на сторону нестяжателей и принялъ горячее и самое дѣятельное участіе въ литературной полемикѣ противъ стяжательнаго монашества.

По убѣжденію и ученію преп. Максима монахи должны всѣ средства къ своей жизни пріобрѣтать исключительно своимъ личнымъ трудомъ, своею только собственною работою, должны ѣсть и пить только то, что сами заработаютъ своими руками, при чемъ они должны довести свои личные потребности до возможнаго минимума такъ, чтобы остатокъ отъ пріобрѣтеннаго личною работою раздавать на помощь бѣднымъ и нищимъ. Преподобный поучаетъ иноковъ: „своя праведныя труды яждь, якоже искони повелѣваетъ божественное Господне повелѣніе... Ниже стяжи подъ рукою поселянъ аки властель, а, якоже Христовъ ученикъ, живи апостольски, руками своими добываючи себѣ хлѣбъ свой, вся своя прежде раздавши нищимъ... Обнищати же изволяй паче, нежели серебромъ обліятися“. „Твоими труды, говорить онъ обращаясь къ душѣ, о несмысленная, повелѣнна еси убогія питати, а не иныхъ крови испивати лихвами, и служить инымъ, а не владѣти надъ иными“. Инокамъ слѣдуетъ жить, говорить онъ, „безстяжанно и преподобно *своими трудами*, велие богатство мнящимъ нищету“ ¹⁾.

Между тѣмъ русскіе монахи, давъ обѣтъ нестяжатель-

¹⁾ II, 29, 32, 149.

ности, отрехшись отъ всего мірскаго, сей-часъ же открыто и рѣшительно нарушаютъ эти обѣты, всячески усиливаясь пріобрѣтать разныя стяжанія. „Кая польза, спрашиваетъ преп. Максимъ любостяжательнаго монаха, рцы ми, отрехшихся своихъ имѣній и стяжаній за безмолвіе и безпечаліе, ина паки тщатися пристяжавати множайша первыхъ и множайшими попеченіи и молвами себе облагати? И отвѣчаетъ: польза убо духовна не едина, тщета же паче и души безплодіе“. И затѣмъ преподобный замѣчаетъ: „неполезна убо отнюдъ и зѣло пакостно инокомъ есть, еже имѣніе паки и богатство собирати себе, якоже многожды изъявихомъ“. Въ другомъ мѣстѣ преподобный говоритъ: „мы, глаголеміи евангельскіи ученицы, имже тщаніе есть взыти въ совершенство, еще по Бозѣ житія, егоже ради отрицаемся самоизвольно всѣхъ красныхъ міра, внегда обѣщаемся Богу предъ избранными ангелами Его, по святыхъ его заповѣдехъ устроить оставшее время житія нашего, со всякимъ смиренномудріемъ, хриstopодобнымъ же убожествомъ и кротостію; таже *обѣтъ нашихъ забывше, и паки ничтоже возмняще ихъ, стяжанія паки себѣ* и стадо всяческихъ скотъ, яко и въ первомъ мірскомъ житіи нашемъ, *тщимся всегда пристяжати, и злато и сребро себѣ скончати на земли со всякимъ неправованіемъ и лихомствомъ* беззаконныхъ ростовъ, евангельстѣй заповѣди сицевыя богомерскія прибытки крѣпцѣ отрицюще, и въ безчисленныхъ печалехъ паки, и житейскихъ молвахъ, тяжбехъ и сварехъ себе влагаемъ, равнѣ держащимся мірскаго житія, и, еже множайшихъ слезъ достойно, яко сицевая дерзаючи, супротивъ божественнымъ заповѣдемъ и нашимъ обѣтомъ, не токмо не чуемъ прегрѣшеніе наше, *но еще хвалимся, аки правду исправляюще*. Лѣпо паче каются намъ страшному Судіи, отступившимъ прегрѣшенія нашего, *и злѣскопленная разсыпати добръ*“¹⁾..

Монахи, давши обѣтъ нестяжательности, и въ то же время заботящіеся о стяжаніи, унодобляются, по мнѣнію преподобнаго, псамъ и свиньямъ. Кто изъ монаховъ, говоритъ преп. Максимъ, отказавшись добровольно отъ всякихъ стяжаній, „паки пристяжаваетъ села и стяжанія различна, имже сплетаются попеченія и молвы житейскіи, и яже на мало

¹⁾ II, 95—96, 409.

утишившіся плотскія и душевныя страсти, паки возникнувши, окаянную душу инока обступаютъ и воюють и всякимъ образомъ уязвляютъ, — явѣ, сицевый пострада глаголемое премудрою притчею: песь обращая на свои блевотины, и свинія омывши въ калѣ сквернавѣ; егоже ради и уповаемыхъ блаженныхъ жизни праведныхъ далече отпадаетъ“. Въ другомъ мѣстѣ преподобный говоритъ: „кое бо спасеніе живетъ, во еже чрезъ обѣтъ нашихъ, паки стяжати имѣнія и стяжанія и сокровища прензлишна на земли, паче заповѣди евангельскія, отъ неправды и лихоиманія, изъ нихъ же рождается безчисленъ прахъ нестроенія и безчинія всякаго, помысловъ же и дѣяній мірскихъ, тяжбы же и свары и брани, ихъ же ради постриженіемъ точію и чернымъ одѣяніемъ разликовати намъ случается отъ мірянъ“ ¹⁾.

Любостяжательные монахи обыкновенно стараются оправдать свою стяжательность тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь они пріобрѣтаютъ не для себя лично, а для всего монастыря, для всей братіи, и что это дѣло спасительное. На эти увертки стяжательныхъ иноковъ преп. Максимъ отвѣчаетъ: „смѣхливо, что ся мниши ми глаголати, ничимъ же разликующе сего: аще мнози нѣщии со единою блудницею беззаконно считаеми, та же о семъ поношаеми, отвѣщааетъ каждо о себѣ глаголя: ни едино ми отсюду согрѣшеніе; всѣмъ бо подобнѣ ти общее стяжаніе есть. Или аще кто со многими разбойники на разбой ишедъ и многи корысти собравъ, таже по нѣкоторому обстоянію ятъ бывъ ищущими разбойниковъ, иже мучимъ и истязуемъ крѣпко, отвѣщаетъ глаголя: неповиненъ азъ всяко; у нихъ оставихъ и ничто же оттуду взялъ есмь. Извѣтъ суетенъ вся сія и смѣхъ великъ, о предобрый! отнюдъ же твой отвѣтъ паче возмнится предъ праведными судіями—бляди, а не мой“ ²⁾.

Но современные преп. Максиму русскіе монахи были не просто только любостяжательными, наполненными постоянными заботами и суетными хлопотами о пріумноженіи всякихъ стяжаній ради обогащенія своего монастыря, но и прямо лихоимцами, пускавшими въ ходъ самыя не позволительныя средства, лишь бы только побольше получить

¹⁾ II, 122, 402.

²⁾ II, 114—115.

серебра. Наши монастыри и монахи того времени были просто ростовщиками и ростовщиками самыми немилосердными и жестокими, что особенно возмущало преподобнаго, который крайне негодовалъ и скорбѣлъ по этому случаю.

„Гдѣ бо о иноцѣхъ писано есть, грозно спрашиваетъ любостязательныхъ иноковъ преподобный, яко свое сребро, чрезъ заповѣди законныя, съ ростомъ въ займъ даюху, или росты на ростѣхъ истязаху отъ убогихъ и немогущихъ отдати истину, за преумноженіе многолѣтнихъ ростовъ расхищая оставшая имъ отъ послѣднія нищеты худая стяжаница, якоже нынѣ держаемъ мы на бѣдныхъ селянѣхъ, лихоимствующе ихъ тягчайшими росты и расхищаяще ихъ, немогущихъ отдати заемное, и наипаче тружующихся безпрестани и страждущихъ въ селѣхъ нашихъ и во всѣхъ нашихъ потребѣхъ и внутрь и внѣ монастыря? Никакоже нигдѣже обрящещи.... Или не мнѣть ти ся, говорить преп. Максимъ, послѣдняя неправда и хищеніе, еже, не точію, кромѣ божественныя заповѣди, скопити на землѣ и всякимъ лихоимствомъ сребро и злато, но еще и росты тягчайши о взаимѣмъ сребрѣ по вся лѣта истязати бѣдныхъ селянъ, и никогдаже оставити имъ истину, много ужъ лѣта взявше ю много сугубно многовременными росты.... Не можете бо, рекоса неложная уста Христова, Богу работати и мамонѣ. Кто же есть мамона, точію собираемое всякое богатство неправеднымъ дѣломъ, глаголю же отъ ростовъ и хищенія и всякаго насилуванія по самолюбію и жидовскому сребролюбію, по святыхъ отцевъ толкованію? „Мы не только, съ горечью, рассказываетъ преподобный о современномъ ему русскомъ монашествѣ, не помогаемъ ничѣмъ бѣднымъ нашимъ, на насъ работающимъ поселянамъ, но и увеличиваемъ уже и безъ того ихъ крайнюю скудость“ истязаніи повселѣтними тягчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ сребрѣ нашемъ, николиже оставляюще имъ таковое безчеловѣчно истязаніе. еще и десятижды воспринемъ истину заемнаго, не точію же симъ образомъ озлобляемъ ихъ, но, еще кто, за послѣднюю нищету, не можетъ дати готовый ростъ въ прѣидущій годъ, оле безчеловѣчія! другой ростъ истязуемъ отъ него, и, еще не могутъ отдати, разграбимъ стяжаница ихъ и отъ своихъ селъ гонимъ руками тщими, ихже паче подобаше

милovati и, по божественной заповѣди, аки братія свои удовлетити потребами житейскими“ ¹⁾).

Любостяжательные монахи сами однако свое ростовщичество не признавали за омерзительный порокъ, а за добродѣтель, за доброе дѣло; они говорили, что, давая бѣднымъ деньги въ ростъ, они тѣмъ самымъ помогаютъ бѣднымъ, „утѣшаемъ ихъ въ скудостехъ ихъ“. Противъ этихъ извращенныхъ понятій тогдашняго монашества преп. Максимъ говоритъ: „ей, брате, и азъ исповѣдую, яко было бы имъ утѣшеніе немало, еже отъ тебе въ заимъ даваемое сребро, аще бы безъ росту, по божественной заповѣди, взаимъ даялъ имъ, и отъ немогущаго отдать послѣдняя, ради нищеты, не истязалъ бы отъ него ниже росты, ниже саму истину; но довольно отдаваніе возмнѣлъ бы должное тебѣ отъ богатаго Мздовоздателя въ будущемъ вѣцѣ воздаяніе и непрестанныхъ потѣхъ и трудѣхъ убогаго, иже терпитъ въ зимѣ и лѣтѣ въ твоихъ работѣхъ. Нынѣ же истязуещи съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самаго, оле безчеловѣчія! или изгонишь вкупѣ съ женою и дѣтми далече отъ селъ твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабощеніемъ, якоже и древній мучитель фараонъ сыны израелевы. Что сего, съ негодованіемъ спрашиваетъ преподобный, мерзчайше можетъ быти и безчеловѣчнѣйши. братъ мой? Лучше убо было, аще бы не бы отнюдъ изначала взаимъ дать ему, нежели взаимъ давшу, снче безчеловѣчне морити его за горькое оно заемное. Или не вѣси, возлюбленне, яко за милосердіе и человѣколюбіе, а не скверныхъ ради прибытковъ, и за еже утѣшати скудость убогихъ, а не истребити ихъ до конца, взаимъ даяти убогимъ Спасомъ повелѣваеми есте, а иже не снче взаимъ дающе, угліе огненно собирають на главахъ своихъ“ ²⁾).

Усердно занимаясь, подъ видомъ благотворенія и помощи, ростовщичествомъ, вымогая изъ своихъ крестьянъ большіе проценты на занятый капиталъ, получая проценты на проценты, монахи въ то же время всячески обижали своихъ крестьянъ, всячески угнетали ихъ и притѣсняли. не оказывая къ ихъ бѣдности и безвыходной нуждѣ ни ма-

¹⁾ II, 94, 104, 107, 136.

²⁾ II, 99—100.

лѣйшаго милосердія и снисхожденія. Очень живыя и яркія картины, очевидно взятая прямо съ натуры, рисуетъ предъ нами преп. Максимъ, относительно бѣдственнаго, безвыходнаго положенія монастырскихъ крестьянъ, вслѣдствіе разныхъ монашескихъ притѣсненій, вымогательствъ, а, иногда, и вслѣдствіе монашескаго безчеловѣчія.

Любостяжательный монахъ, весь погруженный въ заботы о приобрѣтеніи всякихъ стяжаній, жестоко обращается со своими крестьянами. Онъ не считаетъ ихъ своими братьями о Христѣ, какъ это повелѣваетъ Господня заповѣдь, „но, говоритъ преп. Максимъ, аки рабы куплены частыми умораютъ тягостями трудовъ всяческихъ, и еще нѣгдѣ прегрѣшаетъ, абіе оковы желѣзными озлобилъ есть ноги ихъ, лютіяряся, властію разгордѣвся“. „Али недостойна слезъ и плача суть, скорбно повѣствуетъ преп. Максимъ о русскихъ монахахъ, еще кромѣ всякія правды и всякаго иноческаго устава дерзаемая нами на братію нашу, нищихъ глаголю и убогихъ, вдовицъ же и сирыхъ? Не точію бо презираемъ ихъ, гладомъ и мразомъ и послѣднею скудостію житейскихъ потребъ злѣ погибающихъ, но и обидимыхъ ихъ отъ сильныхъ и беззаконныхъ, не отмщаемъ ихъ, ниже боронимъ „расхищаемыхъ своя имѣнія..... И что глаголю, не отмщаемъ ихъ, ниже оборонимъ насильствуемыхъ, еще и сильны есмы многажды избавити ихъ отъ насильствующихъ; мы сами, окаянная душе, и мірскихъ горчайше многажды дерзаемъ, увы, на ны. Али не послѣднее видится тебе безчеловѣчіе наше и неправдованіе сіе, егда мы убо, отрeksiеся всякія пищи излишнія и покоя тѣлеснаго предъ Богомъ и избранными ангелы его, также забывше обѣты наши, стяжанія паки всякія и стада скотскія себѣ пристяжаемъ, и всякія сладкія пищи и прохлада обильно насыщаемся потомъ подручныхъ намъ селянъ? Тѣ же, окаянная, безпрестани тружающееся и томимы въ житейскихъ потребахъ нашихъ и обильна сія намъ уготовляюще, во скудости и нищитѣ всегда пребываютъ, ниже ржаного хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли послѣднія нищеты. Мы же точію безчувственно и безмилостно къ той ихъ скудости пребываемъ, и не единого утѣшенія ихъ сподобляемъ... но и зѣло безчеловѣчно прирастаемъ имъ таковую скудость ихъ истязаніи повселѣтными тягчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ серебрѣ на-

шемъ... Къ симъ же, аще кто изъ нихъ изнемогъ тягостію налагаемыхъ имъ непрестанно отъ насъ трудовъ же и дѣланій, восхошетъ индѣ нѣгдѣ переселитися, не отпускаемъ его, увы, аще не положитъ установленный оброкъ, о немъ же толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ; безчисленныхъ трудовъ и потовъ и страданій его, ихже положилъ въ нашихъ потребныхъ служеніихъ, забывше время бѣднаго его житія еже въ селехъ нашихъ, зѣло безчеловѣчнѣ предаемъ. Толь же безмилостно къ братіямъ нашимъ убогимъ носими, окаянная душе, ни единыя благодати, ни челоуѣколюбія сподобляюще ихъ, сопротивно же паче—снѣдающе ихъ и моряще всякимъ образомъ“¹⁾.

При такихъ условіяхъ, при такой обстановкѣ и характерѣ монастырской жизни, преп. Максимъ спасеніе для монаха находить прямо невозможнымъ. „Чисту молитву, когда стяжеши, спрашиваетъ онъ, лютѣ смущаемъ прахомъ, сирѣчь множествомъ безчисленныхъ смущеній и житейскихъ попеченій? Како же кротость и смиренное мудрованіе и священное безмолвіе сердцу стяжеши себѣ, яже яростію и прѣніи, яже о земляхъ, и къ самѣмъ селяномъ и къ сосѣдомъ своимъ, аще обидяще въ чемъ явятся, обдержима часто и невоздержно, тщатися противу оскорбити ихъ, аки враговъ? За своего же ближняго како изволиши умерети, его же всегда томишь безъ милости всякими тягостями и рѣзонманіи (ростомъ)“? Изображая притѣсненія, насилія и вымогательства монаховъ у своихъ бѣдныхъ обнищалыхъ крестьянъ, преп. Максимъ спрашиваетъ: „како отнюдь не боимся глаголющаго страшнаго Судіи и Господа: идите отъ Мене проклятій во огнь кромѣшный, уготованный діаволу аггеломъ его? Чесо ли ради? Взалкахъ бо, рече, не дасте ми ясти; вжадахъ, не напоите мя; нагъ бѣ, и не одѣясте мене, и яже по сихъ. Таже приглаголетъ: елика бо не сотвористе единому отъ сихъ меньшихъ братій моихъ, ни мнѣ сотворили. Страшно слово сіе, поясняетъ преподобный, душе моя окаянная, и отвѣтъ горекъ, и наипаче намъ окаяннымъ инокамъ, иже будто отрекохомся всякого неправдованія, и беззаконія, и лихоимства мірскаго, и общахомся Богу возлюбити прочее всяку правду и милость и любовь неліце-

¹⁾ II, 130—132, 138.

мѣрну и челоуѣколюбіе ко всякому вкупѣ челоуѣку и, наипаче, ко всѣмъ въ бѣдахъ сущимъ, таже, забывши своихъ обѣтъ, толь безчелоуѣчно устроимся къ подручникомъ нашимъ селяномъ, ихже братія своя Господь наречеть“. И въ другомъ мѣстѣ преп. Максимъ замѣчаетъ: „мы же священную Его заповѣдь, яже о нищелюбіи, безстыднѣ преступающе, яже есть главизна всѣмъ божественнымъ заповѣдемъ Его и союзъ совершенства, по святому Апостолу Павлу глаголющу, безчелоуѣчнѣйше бо подручная наша нищая Христова братія, тяжчайшихъ ростовъ истязаніи, моряще ихъ безпрестани и всяческими монастырскими работами, внутри же и внѣ горчайше ихъ житіе содѣлающе, кромѣ щедротъ и милости,—како мнимъ благоугодите Богу? Паче же: како избѣжимъ страшнаго онаго суда, егда не отъ зѣльнаго поста и бдѣній и долгихъ пѣснопѣній, но отъ единаго челоуѣколюбія и щедротъ, яже къ нищимъ, вѣнчаетъ стоящихъ одесную его? Елико бо рече, сотвористе единому отъ меньшихъ сихъ братій моихъ, мнѣ есте сотворили. Такжеже и сущимъ ошую: и не зане посты великія не исправиша и бдѣній, или зане долгими пѣніи не воспѣша его, поношаетъ имъ; но понеже ни едино челоуѣколюбіе николиже показаша къ нищимъ, ихже и свою братію называти не стыдится. Но сія убо сице, и будутъ, и писана суть, *и приставливати я никтоже умѣетъ, ниже смѣетъ*“¹⁾.

Милость и милосердіе къ нищимъ, бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ, ко всѣмъ вообще угнетеннымъ и обиженнымъ, составляетъ, по убѣжденію преп. Максима, первое и самое необходимое условіе истинно-христіанской жизни и самаго нашего спасенія. А между тѣмъ этой-то первой христіанской, для каждого необходимой и спасительной добродѣтели, Максимъ не нашеть у русскихъ монаховъ, что крайне возмущало его—защитника и борца за всѣхъ бѣдныхъ, спртыхъ, угнетенныхъ и насилуемыхъ. „Милость, яже къ нищимъ, поучаетъ преподобный, и яже отъ чистаго сердца, *и всѣмъ челоуѣкомъ любы, то есть все, еже взыскуетъ отъ насъ Христосъ Богъ, ихже кромѣ—вся прочая, безъ успѣха суть*: и воздержаніе отъ брашенъ и долги подвиги молитвенніи: не жертвѣ бо, рече, но милость хочу“.

¹⁾ II, 42, 98—99, 132.

Монахи въ свое оправданіе говорили, что они въ дѣйствительности помогаютъ бѣднымъ, такъ какъ раздаютъ куски хлѣба нищимъ и бѣднымъ, приходящимъ въ ихъ обитель, и, слѣдовательно, они исполняютъ этимъ заповѣдь о милосердіи къ нищимъ и бѣднымъ. На это преп. Максимъ говоритъ: „или мниши малыми укрухи твоими, ихже убогимъ приходящимъ ко вратомъ твоимъ нѣкогда даеши, избыти должныя твоему безчеловѣчію по смерти казни пламенныхъ мученій. Глупаеши (душа), прельстилася еси, далече была еси пути, ведущаго праведныя къ небесному царствію“¹⁾.

Притѣсняя и угнетая своихъ крестьянъ, выжимая изъ нихъ послѣдніе соки, не оказывая къ нимъ, ихъ нуждамъ и скудости, никакого снисхожденія, сами монахи, въ то же время, на собранныя ими въ мірѣ богатства и на тяжелый изнурительный трудъ своихъ крестьянъ, устроили свою собственную жизнь не только хорошо, сытно и со всѣми матеріальными удобствами, но, нерѣдко, и прямо богато, съ комфортомъ, позволяя себѣ всякія удовольствія. Всѣ пути въ мірѣ были имъ всегда широко открыты, связи и сношенія съ міромъ были у нихъ крѣпки, постоянны и разнообразны, всѣ мірскія блага и удовольствія были у нихъ постоянно предъ глазами и стоило только протянуть руку, чтобы получить ихъ. И монахи протягивали свои руки....

Вотъ что говоритъ преп. Максимъ о слѣдствіяхъ стяжательности монаховъ: „плоть бо мастящися всегда сладкими питаніи, погружаетъ его должайшими сны и скверными плотскими скоктаніи и оскверненіи, частнѣе того, увы, поганить и бдяща и спяща; а очи превознесошася, сердцу зѣло возвысившуся суетными надеждами богатства и стяжаній, яко велію нѣкоему уже, а не якоже преже мнѣти себе, быти послѣднѣйшему всѣхъ. Сего ради и всякимъ дѣломъ тѣдится, да получить нѣкія земныя славицы“. Такого монаха, увѣряетъ преп. Максимъ, похожъ на коня, который, освободившись отъ узды и сбросивъ всадника, свободно бѣсится „сѣмо и овамо, легая, ржа и дерзко скача“, пока своимъ мясомъ не наполнитъ утробу какого либо, хщнаго звѣря. Такъ и душа монаха, „возгордѣвшиися имѣ-

¹⁾ II, 32.

ній множествомъ, мало по малу отрицаетъ Божій страхъ отъ сердца своего, сего же обнажена, не блюдется убо лжи, ни ротбы, ни татьбы всякія, завидуеть, ярится и лють превозносится, и радуется зѣло губительнымъ раздоромъ. Піявица же всегда бываетъ, назираючи убо чужихъ согрѣшеній, а своихъ николиже чуючи“. Такой монахъ замѣчаетъ преп. Максимъ, „беззаконствуетъ, лють гнѣвается, мучить, связуетъ, мзды емлетъ, блудно питается, вся его мудрованія элато есть, и многмятежное ему попеченіе, како угодити властелемъ“. Любостязательный монахъ учреждаетъ богатія и пресвѣтлыя трапезы, но не для того, чтобы накормить нищихъ, какъ бы слѣдовало, а богатыхъ, веселясь и наслаждаясь съ которыми, онъ „обѣма рукама нещадно истощаетъ имѣнія нищихъ“ (т. е. монастырское имущество, по идеѣ принадлежащее бѣднымъ и нищимъ). Самъ „свѣтло всегда веселящися, самъ же грѣмый нарочитыми соболѣи (одежды) и свѣтло и пресладко во вся дни питающися“, совершенно забываетъ про божественный законъ, повелѣвающий кормить вдовъ, сиротъ и убогихъ“. Али не послѣднее видится въ тебѣ безчеловѣчіе наше и неправдованіе сіе, спрашиваетъ преподобный, егда убо мы, отрeksiи всякія пици излишнія и покоя тѣлеснаго предъ Богомъ и избранными янгелы его, таже забывше обѣтъ нашихъ, стяжанія паки всякія и стада скотскія себѣ присяжаемъ и всякія сладкія пици и прохлада обильно насыщаемъ потомъ подручныхъ намъ селянь“ ¹⁾?

Современные преп. Максиму монахи старались извинить свой немонашескій образъ жизни указаніемъ на то обстоятельство, что всѣ-де люди теперь стали слабые и очень шатки въ своей жизни, а такъ какъ монахи тоже вѣдь люди, и такіе же при томъ слабые, то они и нуждаются въ снисхожденіи,—негдѣ взять теперь лучшихъ людей, всѣ таковы. Да, говорить на это преп. Максимъ, но снисхожденіе не должно однако заходить до явнаго нарушенія и прямо отмененія заповѣдей Христовыхъ и самыхъ монастырскихъ уставовъ, какъ это дѣлается монахами. „А иже слагается, говоритъ преподобный, душегубительному помыслу, глаголющу: слабость приндите нынѣ въ человѣческомъ естествѣ,

¹⁾ II, 37—39, 130.

и потреба сходити человѣческой немощи; и азъ тоже глаголю, но сходити имъ, въ нихже схоженіе не противится заповѣдямъ владычнимъ, ни разоряетъ отеческіе уставы иноческіе, яже суть нестяжаніе, безмолвіе, непечительно житіе, не сребролюбіе, не лихоимство, смиренномудріе и кротость, любовь нелицемѣрна, милосердіе и благоутробіе ко всѣмъ, въ бѣдахъ живущимъ,—а яко всяко не тако схоженіе душамъ, есть конечно гибель, а не спасеніе“ ¹⁾.

По убѣжденію преподобнаго Максима любостяжательные монахи по своей жизни и дѣятельности стоятъ гораздо ниже книжниковъ и фарисеевъ. „Не точію есть подобно, говоритъ преп. Максимъ, но и зѣло нижайше житіе наше правды ихъ (фарисеевъ), проявлено всяко. Онъ бо (фарисей) не точію не обидяше, ниже хищаше чужія труды, но еще и своя имѣнія вся одясатствоваше нищимъ. еще и повелѣнія не имуще. Мы же не точію не одясатствуемъ наша имѣнія нищимъ и сіе повеленіе имуще: не десятое, но вся вкупѣ раздавати нищимъ, аще хощемъ совершени быти; но еще обидяше и хищаше имѣнія бѣдныхъ селянъ богомерзкими росты не престаемъ. Или не мнитъ ти ся послѣдняя неправда и хищеніе, еже не точію, кромѣ божественныя заповѣди, скопити на земли и всякимъ лихоимствомъ сребро и золото, но еще и росты тягчайши о взаимнѣмъ сребрѣ по вся лѣта истязати бѣдныхъ селянъ, и никогдаже оставити имъ истину, многа ужъ вземше и много сугубно многовременными росты“. Обращаясь къ душѣ, преподобный говоритъ: насладаешибося и ты треококаянная, отъ неправедныхъ лихоиманій собираючи себѣ жиловски богатство, и тщася всегда исполнь имѣти клятвы своя и всяческихъ брашенъ и сладкихъ питій, и стоги житныя превелики и часты по вся лѣта складая на селѣхъ своихъ, окайная, яже, желаніемъ большаго прибытка, *на рокомъ блюдеши дорого продатися во времена глада*, не трепещущи отнюдь Богомъ извѣщеннаго прещенія, еже подъ клятвами подлагаетъ родъ уморяемыхъ голодомъ, *блюдуци пшеницу и жита всяка на большую цѣну желаніемъ множайшаго прибытка...* Аще убо не пристяжете, убѣждаетъ преподобный иноковъ, преподобными дѣлы добродѣтель лучшую книжникъ и фарисеевъ, не внидите въ

¹⁾ II, 402.

парство небесное. Егдаже и онѣхъ (т. е. книжниковъ и фарисеевъ) добродѣтели, окаянная, явишися не вышши, но зѣло худши, каѣ ти надежда прочее останется? Увы, каковъ тогда студъ и нескончаема скорбь обидеть тя... Како убо и фарисеевъ пуще беззаконствующе, жизнь и славу получимъ вѣчную? И въ другомъ мѣстѣ преподобный Максимъ спрашиваетъ: „како убо надѣмся спастися и внити въ царствіе небесное, елма, по владычному отвѣту, яже по насъ правда не точію преизлишествуетъ паче правду книжникъ и фарисеевъ, но множае паче скудѣйши есть: елма убо онѣ своя имѣнія одесѣтствоваху, мы же вселѣтныхъ истязаній и тягчайшихъ ростовъ имѣнія должниковъ безъ милости хищаемъ? Не прельщаемъ себе, преподобнѣйшии, не не прельщаемся суетными надеждами: лихоимцы и хищницы царствія Божія не получаютъ“. Богородица съ такими словами обращается у преп. Максима къ любостязательнымъ монахамъ и ко всѣмъ занимающимся ростовничествомъ: „бѣдно живущихъ убогихъ кровьюми веселяся, сугубыми росты и трудовъ безчисленными нуждами несытно испивая ихъ мозги, ни чимъ же мнѣ разликуеши иноплеменика скифинина и христуобійць людей, аще ся и крещеніемъ хвалиши“¹⁾,

Изображая въ крайне мрачныхъ и непривлекательныхъ чертахъ современное ему русское монашество, преп. Максимъ въ то же время, очень симпатично и сочувственно описываетъ внутренній строй и нравственныя качества латинскихъ современныхъ ему монаховъ, представляющихъ полную противоположность тогдашнимъ русскимъ монахамъ. По завѣренію преп. Максима латинскіе монахи самымъ дѣломъ исполняютъ заповѣди Христа, и въ своей жизни, вопреки русскимъ, проявляютъ полное нестяжаніе. „Гдѣ у нихъ (латинскихъ монаховъ), спрашиваетъ преп. Максимъ, особливо нѣкое желаемо брашно, или питіе, или овощъ нѣкій, или ино что наслаждающее гортань? Гдѣ у нихъ стяжанія злата или сребра? Гдѣ празднословіе, или сквернословіе, или смѣхъ безвременень и безчипень? Піяństwo же и прензлѣшнее сладкихъ ядеій ниже слышатся у нихъ, сребролюбія же и лихоиманія, и росты и лукавый нравъ мерзко у нихъ и

¹⁾ II, 44—45, 207, 242.

проклято слышаніе: одѣянiя же ихъ власяна и вся бѣла. чистоту житiя ихъ и пребыванiя образующа, и ложь и послушаніе и прекословіе изчезоша вся у нихъ въ конецъ. Гдѣ у нихъ отмѣтаніе обѣтъ, ихже даша Богови, внигда стригоша власы? Но ниже ину обитель, по прехожденію частому, знаютъ якоже мы переходимъ безчинно и кромѣ обѣтъ нашихъ отъ обители нашей ко иной легкостію нашего ума. Нѣсть у нихъ ничтоже свое, но вся обща, не стяжаніе же любятъ, аки веліе благо духовное, соблюдаетъ бо ихъ въ тишинѣ и всякой правдѣ и непоколебаніи помысловъ и внѣ всякаго сребролюбiя и лихоиманiя. Такоже подобаше и у насъ православныхъ строитися, яже о насъ иноцѣхъ, и богоносныхъ отецъ соборы избиратися игуменомъ священныхъ монастырей, *а не дары сребра и злата приносимыми народнымъ писаремъ, игуменскія власти искати хотящу*, ихже множайши ненаказаннiи отнюдь въ божественныхъ суть и безчинники житіемъ, въ щянствѣ всегда и пищи всякой упражняющиеся сами, и сущiи подъ рукою ихъ братiя, призираемы тѣлеснѣ и небрегоми духовнѣ, скитаются безпутіемъ, якоже овцы не имуща пастыря. Увы, увы, Господи, пощади“. Между тѣмъ латинскіе монахи, по увѣренію пр. Максима, отличаются научнымъ образованіемъ, прекраснымъ знаніемъ Св. Писанiя, учительностію, церковнымъ проповѣдничествомъ, прилежнымъ дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ, заботами о просвѣщеніи и спасеніи живущихъ въ мірѣ братiй своихъ.

Увлекаясь латинскими монахами, всячески идеализируя и восхваляя ихъ, преп. Максимъ наконецъ вспомнилъ, что вѣдь все это о латинскихъ монахахъ онъ говоритъ русскимъ, которые искони ненавидѣли скверную латину и вовсе не расположены были выслушивать расточаемыя ей, въ ущербъ православнымъ, похвалы, почему поспѣшилъ оговориться и разъяснить смыслъ своего разсказа о латинскомъ монашествѣ.

„Сiя пишу, говоритъ преп. Максимъ, не яко да покажу латинскую вѣру чисту, совершенну и прямо ходящу во всѣхъ,—да не будетъ во мнѣ таково безуміе,—но да покажу православнымъ, яко и не у правомудренныхъ у латынехъ есть попеченіе и прележаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа, а и

не по совершенному разуму, якоже глаголетъ божественный Павелъ апостолъ о непокоривыхъ іудеевъ: свидѣтельствую бо яко Божію ревность имуть, а не по совершенному разуму; сие и латыне: аще и во многихъ соблазнился, чюжа нѣкая и странная ученія приводяще, отъ сущаго въ нихъ многоученаго еллинскаго наказанія прельщаеми, но и не до конца отпадоша вѣры и надежды и любви, яже во Спаса Христа, его же ради ко святымъ Его заповѣдямъ уставляютъ прилежно иноческое ихъ пребываніе сущи у нихъ мнихи, *ихже единомудренно и братолюбно и нестяжательно и молчаливо и безпечально и возстанливо ко спасенію многихъ, подобаетъ и намъ подражати, да не обрящемся ихъ втори (т. е. хуже).* Сіе же глаголю, елико въ прилежномъ дѣланіи евангельскихъ заповѣдей, зане: якоже ихъ не совершаетъ прилежно дѣланіе заповѣдей Спасовыхъ не отступающихъ своихъ си ересей, *сие ниже насъ совершаетъ едина православна вѣра, аще не притяжемъ евангельскихъ заповѣдей прилежно дѣланіе*¹⁾).

Эта оговорка не могла, однако, спасти преп. Максима отъ укоровъ и порицаній со стороны русскихъ; его взгляды на латинскихъ монаховъ и похвалы имъ были непонятны тогдашнимъ русскимъ, они видѣли въ этомъ только укоръ русскимъ, желаніе унизить ихъ предъ латинами. Такъ, между прочимъ, смотрѣлъ на дѣло, признаваемый за ученика преп. Максима Грека, Зиновій Отенскій. Въ своемъ сочиненіи „Истины показаніе“. Зиновій укоряетъ Максима Грека, что тотъ похвалилъ латинскій нестяжательный орденъ и похвалилъ русскіе монастыри за обладаніе ими селами. „Но аще высоко, говоритъ Зиновій, любомудрствовася о нестяжаніи доброду Максиму; обаче не зрится изряднѣе, что имѣя латинскія области и ереси ихъ монастырь похвалилъ онъ предъ русскими монастыри, точію произведеса укорити русскіе монастыри, елма образа не представи, что нестяжаніе въ каждо странѣ и что стяжаніе... Но токмо укорити восхотѣ, иже въ Руси монастыри нещеваніемъ аки вину деревни обрѣтъ, а не еже согрѣшеніе показати, отлучающе отъ Бога“. Максимъ похвалилъ латинскій монастырь, „а не предложилъ во указаніе Святыя горы или нѣкій греческій

¹⁾ III, 183—203.

монастырь, отнюду же и законъ пріять святая соборная апостольская церковь русская; но токмо отъ латинскія страны и ереси монастырь представи, — явѣ, яко во укореніе русскимъ монастыремъ, отъ нея же ереси отвращается зѣло русская соборная церковь“. Максимъ предложилъ, говорить Зиновій, о нестяжаніи—прѣнія нестяжателя съ любостяжателемъ. Но не разлучи въ немъ чистое отъ нечистаго, и отъ сего даетъ непщеваніе, яко отъ раздраженія по рвенію Максимъ писа, яже писа“ ¹⁾).

Очевидно, и болѣе образованные современники преп. Максима не поняли истинныхъ мотивовъ, самихъ высокихъ и святыхъ, руководившихъ имъ, когда онъ указывалъ русскимъ на латинскій монастырь какъ на образецъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, для подражанія; ни силы его аргументаціи, основанной, главнымъ образомъ на Св. Писаніи, его вѣрномъ пониманіи и толкованіи; ни безусловной вѣрности его воззрѣнія на тотъ путь, которымъ долженъ слѣдовать каждый христіанинъ, а, слѣдовательно, и монахъ, чтобы получить вѣчное спасеніе. Русскіе поняли и усвоили хорошо только одно, что преп. Максимъ хвалить и ставить имъ въ образецъ латинскій монастырь, и отсюда слѣдали выводъ: преп. Максимъ, руководимый раздраженіемъ, такъ поступилъ съ единственною цѣлю, во что бы то ни стало, похулить русскіе монастыри, а потому и всѣ его рассужденія и обвиненія русскаго монашества пристрастны и не заслуживаютъ вниманія. Найдутся, конечно, даже и сей-часъ, такіе защитники русскихъ монастырей, которые увидятъ въ преп. Максимѣ тоже, что видѣлъ въ немъ и Зиновій Отенскій, т. е. только раздраженнаго пристрастнаго хулителя русскихъ монастырей и тенденціознаго хвалителя монастырей латинскихъ, а не святаго великаго Христоваго правдою мужа, горѣвшаго дѣятельнымъ искреннимъ желаніемъ, чтобы русское монашество осуществляло собою истинный идеалъ монашества, построеннаго на ясномъ и опредѣленномъ ученіи Христа, Его святыхъ Апостоловъ и учениковъ, а не на какихъ либо сомнительныхъ началахъ и теоріяхъ.

Очень строгій и суровый приговоръ произноситъ преп. Максимъ о нашемъ монашествѣ: наши монахи, какъ любо-

¹⁾ Стр. 593—909. Казань 1863.

стяжатели, стоятъ ниже книжниковъ и фарисеевъ и не въ духѣ истины поклоняются Вышнему. „Собирающіи себѣ богатство неправдою, говоритъ преп. Максимъ, и богомерзскими росты, и за села и земли къ судищамъ приходяще и съ суперники сварящися, не въ душе и истинѣ поклоняются Вышнему. Хваленіе бо его, рече, въ церкви преподобныхъ, а не въ церкви престаупающихъ святыя заповѣди Вышняго“, Монахи — любостяжатели не соблюдаютъ основной законъ Христа, и потому не могутъ быть названы Его учениками. „Законъ же Спасовъ, говоритъ преподобный, что ино есть, точію любы совершенна отъ чистаго сердца къ самому Вышнему и ближнему нашему, якоже во святыхъ евангеліихъ слышимъ. Въ сихъ бо ради, рече, двоихъ заповѣдехъ весь законъ и пророцы висятъ. *Любостяжателенъ же и сребролюбивый инокъ боголюбецъ, яко же подобаетъ, и нищелюбецъ быти не можетъ: зане же въ преступленіи святыхъ Божіихъ заповѣдей ходитъ.* Глаголетъ бо Самъ Праведный Судія: имѣяй заповѣди моя и творяй ихъ, той есть любяй мя. Не любяй мене, словесъ моихъ не соблюдаетъ.. *Аще убо, замѣчаетъ преподобный, Духомъ Святымъ сія вся изречена и истинна, убѣдимся, брате, и исправимся предъ праведнымъ Судією.* Страшно бо есть впасти въ руцѣ Бога живаго. *Аще ли же неистинна мнимъ божественная словеса сія,* почто и обществуемъ Богу въ постриганіи нашемъ, устроити прочее житіе наше по святымъ его заповѣдемъ и веленіи. Лучше бо есть, рече премудрость Божія, не общатися и отдати, нежели общатися и не отдати“. Настоящіе монахи въ сущности не вѣрятъ въ заповѣди Христа и, конечно, поэтому не исполняютъ ихъ. „Отложимъ, вызываетъ преп. Максимъ, *всяко нестрів, имъ же негодуетъ въ сердцахъ нашихъ о заповѣдяхъ Спаса и Господа нашего Иисуса Христа.....* Явлено, яко помнящія заповѣди Его, яко творити ихъ, сирѣчь, дѣломъ исполнити ихъ, сѣи суть помнящіи Бога, а попирающіи заповѣди Его, добръ рекошася забывающіи Бога; ея же ради вины и Онъ самъ забываетъ ихъ“. „Понеже, заявляетъ преп. Максимъ, предъ избранными ангелы Божіи общавшеся Владыцѣ оставшееся житіе наше евангельски совершати; во всякомъ смиреніи и худости и правдѣ и святыни, по уставамъ богодухновенныхъ пачальникъ иноческаго жительства, ихъ же нынѣ престаупающе и безчинножительствующе, что

ино развѣ погибель чаемъ себѣ, окаянная душа, аки солгавшими, яже ко Владыцѣ, обѣты наша.... Не пользуется намъ ко спасенію ни мало *внѣшнее сіе одѣяніе власныхъ* рубищъ. наипаче къ осуженію большему виновно будетъ намъ, понеже, такими худыми обложени, житіе проводимъ неприлично имъ и всячески неподобно“. Въ уста Богородицы преп. Максимъ. влагаетъ такой приговоръ надъ нашими любостяжательными монахами: „бѣдно живущихъ убогихъ кровью веселяся сугубыми росты, и трудовъ безчисленными нуждами несытно испивая мозги, ничѣмъ мнѣ разликуеша скифянина и христоубійца людей, аще ся и крещеніемъ хвалиши; ниже внемлю отнюдь тебѣ, аще и безчисленными каноны и стихѣры краснымъ гласомъ поеша мнѣ: милости, а не жертвѣ слыши хотящаго Господа, и разумъ Божій, а не всесожеженій. Ты же, аки свинія, всякаго студѣнія насытитъ насыщаяся, и аки хищникъ волкъ, хищая чужая старанія и бѣдныя вдовицы лихоимствуя, и всяческими изобилуя и обливаемъ дѣлы беззаконными, аки христоненавистникъ татаринъ зернію играя, и упиваяся, и гуслями всегда и пѣснями скверными наслаждая себя блудно, Божіаго страха отринувъ отнюдь отъ мысли своея, благоугодити ли мниши множествомъ каноновъ и стихѣръ, высокимъ воплемъ мнѣ воспѣвая? Не слышиши ли проповѣдника, явственне глаголюща, яко творяще и таковая не царство Божіе наслѣдять“¹⁾?

Истинно вѣрятъ во Христа, по убѣжденію преп. Максима, только тѣ, кто самымъ дѣломъ исполняетъ заповѣди Христа. „Аще убо воистину, говоритъ онъ, и отъ всея души вѣруемъ Спасу Христу и желаемъ безконечнаго царствія его, дѣломъ да покажемъ, а не словомъ и внѣшними сими платы вѣру нашу ко святымъ заповѣдемъ его; зане вѣра безъ дѣлъ мертва есть и отнюдь бесплодна“. Поэтому только тѣ и спасутся, которые „о себѣ праведнѣ, и яко же Божій законъ повелѣваше, устроиша, кромѣ всякія неправды и лихоиманія, всякому нищему и убогому обильно хлѣбъ свой предлагающе, и серебромъ своимъ нещадно исполняяще скудость сущихъ въ лишеніи потребныхъ къ житію и всѣмъ, въ кратцѣ рещи: скорбящимъ и обидимымъ всяческимъ образомъ помогающе, вдовицамъ же и сиротамъ милостивѣйши

¹⁾ II, 110, 112—114, 125—126, 136, 138, 242.

предстояще и пекущися о нихъ“. Вънѣ такой дѣятельности спасеніе новозможно: „нага бо отъ благихъ дѣлъ и спасительныхъ — вѣра и черная рубища не способствуютъ вамъ: Судія не ризы тлѣющія но на украшающія душу добродѣтели зрѣть“¹⁾.

Чтобы правильно судить объ отношеніи преп. Максима къ большинству современнаго ему русскаго монашества, должно имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства:

Преп. Максимъ, проживая на Аѳонѣ, принялъ предложеніе ѣхать въ Москву между прочимъ и потому, что эта поѣздка открывала ему самое широкое поприще для проповѣднической и просвѣтительной дѣятельности, къ которой онъ стремился. Своимъ призваніемъ на Руси онъ считалъ проповѣдь слова Божія, наученіе и просвѣщеніе русскихъ, обличеніе тѣхъ пороковъ и недостатковъ, какіе онъ находилъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Объ этомъ своемъ особомъ призваніи на Руси къ учительству и просвѣтительной дѣятельности преп. Максимъ не разъ заявлялъ въ различныхъ случаяхъ. Такъ къ собору русскихъ іерарховъ онъ писалъ: „намъ нужда належитъ заповѣдію Божіею проповѣдати всѣмъ усты вопрошающимъ насъ, яже о евангельстѣй и апостольстѣй истинѣ и отцепреданномъ извѣстномъ иноческомъ житіи и узаконеніи.... Почтоже и призываете мене здѣ изъ святыхъ Горы? пачеже: почто и держите здѣ силою, понеже сущаго во мнѣ отчасти искуства святыхъ писаній нетребуете? Въ другомъ мѣстѣ преподобный говоритъ: „въ подвигѣ, еже о евангельской истинѣ, совлачаяся, и къ разоренію лжи себе составляя, огнемъ ревности, яже о истинѣ, разгараемъ, благовременнѣ и азъ возвѣщу, блаженнымъ Давидомъ учительнѣ глаголемая....“²⁾. Жена (царство), встрѣтившаяся преп. Максиму на пути, говоритъ ему: „елма, о преходниче, вижу ты ревностію по Бозѣ и любовію нелицемѣрнаго, яже къ роду вкупородныхъ тебѣ челоуѣковъ желающа вѣдѣти отъ мене, яже о мнѣ, да всяко нѣщии пользу примутъ прилежнымъ взысканіемъ твоимъ, слышаще прочіе и тобою вси елико истиною благовѣрны суть и Вышнему угодити желаютъ и безконечнаго царствія его полу-

¹⁾ II, 93, 146, 273.

²⁾ I, 35—36, 399.

чити“. Или, напริมѣръ, преподобный говорить: „аще бо и грѣшенъ азъ паче всѣхъ грѣшныхъ, но истину евангельскаго законоположенія нужами належитъ проповѣдати всякому всею душею и сердцемъ и устами“ ¹⁾. Слѣдовательно, поучая и обличая современное ему русское монашество, преп. Максимъ тѣмъ самымъ только выполнялъ ту высокую и вмѣстѣ очень трудную миссію, къ какой онъ считалъ себя призваннымъ на Руси.

Преп. Максимъ весь былъ проникнутъ самымъ искреннимъ горячимъ желаніемъ поднять нравственно-религіозный уровень русскаго монашества на должную высоту, создать изъ него настоящее истинное монашество. Ради достиженія этой благой и высокой цѣли, онъ, постоянно горѣвшій „ревностію по Бозѣ“ и любовью нелицемѣрною къ своимъ ближнимъ, нещадилъ красокъ, чтобы ярче и нагляднѣе показать все несоотвѣтствіе жизни большинства русскихъ монаховъ съ ученіемъ Христа, съ высшими истинно христіанскими требованіями. Поэтому его отрицательное отношеніе къ русскому монашеству не было слѣдствіемъ его желанія похулить, унизить наше монашество, а вытекало изъ самаго чистаго, высокаго и святаго источника: изъ желанія своими наставленіями и обличеніями исправить монашество, поставить его на истинный путь спасенія, ясно указанный самимъ Христомъ, на ту высоту, на какой оно должно стоять по самой своей сущности. Конечно съ тою же благою и высокою цѣлію т. е. чтобы рѣзче отгнать ненормальное, унижительное положеніе, съ нравственно-религіозной точки зрѣнія, нашего монашества, чтобы заставить его отказаться отъ своихъ недостатковъ и ступить на правый и спасительный путь истиннаго монашества, преп. Максимъ намѣренно указывалъ русскимъ на латинскіе монастыри, намѣренно ярко изобразилъ высокія, дѣйствительныя или только воображаемыя, качества латинскихъ монаховъ. Горячая любовь къ дорогому существу часто побуждаетъ насъ смѣло и рѣшительно говорить ему самую непріятную и обидную для его самолюбія правду; любовь къ русскому монашеству побуждала и преп. Максима рѣзко и сурово говорить о недостаткахъ тогдашняго русскаго монашества.

¹⁾ II, 322, 395.

Очень важное и прямо существенное различіе между русскими и преп. Максимомъ состояло въ томъ, что русскіе свои религіозно-нравственные сужденія обыкновенно основывали на выдержкахъ, нерѣдко случайныхъ, изъ разныхъ отеческихъ писаній, въ цѣломъ и въ системѣ имъ мало извѣстныхъ и потому плохо ими понимаемыхъ, причемъ подложныя отеческія сочиненія принимались ими наравнѣ съ подлинными; на постановленіяхъ и правилахъ соборовъ и св. отцевъ, въ составъ которыхъ входили и правила апокрифическія; и, особенно, на житійныхъ и разныхъ аскетическаго и назидательнаго характера повѣстяхъ и сказаніяхъ, часто неизвѣстнаго, а иногда и прямо сомнительнаго происхожденія. Но за то русскіе мало ссылались непосредственно на самое Св. Писаніе, которое они неизучали и не толковали самостоятельно, да, по недостатку у нихъ науки и образованія, не могли и не сѣумѣли бы этаго сдѣлать. Особенно свои сужденія о монашествѣ они совсѣмъ недумали основывать на ученіи Христа и Апостоловъ, провѣрять Св. Писаніемъ свои сужденія о цѣнности монашескихъ уставовъ и правилъ, о разныхъ, иногда очень сомнительныхъ, подвигахъ и дѣяніяхъ отшельниковъ, старцевъ и т. под. Даже въ современныхъ намъ разсужденіяхъ о монашествѣ часто совсѣмъ отсутствуетъ Христосъ и Его божественное ученіе, св. Апостолы и ихъ боговдохновенное писаніе, — вездѣ только такой-то св. подвижникъ, авва, старецъ, достоуважаемый епископъ, митрополитъ. Между тѣмъ преп. Максимъ былъ глубокимъ знатокомъ Св. Писанія, прекраснымъ научно-образованнымъ экзегетомъ; онъ весь, въ своихъ сужденіяхъ и ученіи, опочилъ на Св. Писаніи, на его правильномъ пониманіи и толкованіи; онъ все — всю нашу (русскую) жизнь, дѣятельность, всѣ наши частныя и общественныя отношенія и учрежденія старался поставить на твердыя основы св. Писанія, имъ провѣрялъ и оцѣнивалъ ихъ. Но за то онъ мало и сравнительно рѣдко пользовался въ своихъ разсужденіяхъ святоотеческой литературой и почти никогда житійными и другими подобнаго характера разсказами, — вся его аргументація всегда прежде всего и главнымъ образомъ строилась на св. Писаніи. Естественно, что и при оцѣнкѣ русскаго монашества онъ употребилъ тотъ же обычный для него пріемъ: онъ поставилъ

въ основу своихъ сужденій о монашествѣ ясное и опредѣленное ученіе Христа о спасеніи, одинаково обязательное для всѣхъ христіанъ, и нашелъ, что русское монашество этому ученію не слѣдуетъ, что оно удалилось отъ своей первоначальной настоящей основы, и потому пошло не тѣмъ путемъ, какой указанъ Христомъ. Своими обличеніями и назиданіями, всегда подкрѣпляемыми словами св. Писанія, преп. Максимъ стремился возвести русское монашество на его первоначальную, настоящую основу, направить его на истинный, единственно настоящий путь спасенія, настойчиво требовалъ отъ монаха, чтобы онъ спасался „не ꙗкоже ты разсуждаешь, но ꙗкоже Господь твой повелѣлъ и уставить есть“.

Мы видѣли, что нѣкоторые современники преп. Максима находили, что будтобы онъ писалъ о русскомъ монашествѣ „отъ раздраженія“ т. е. пристрастно и тенденціозно, намѣренно сгущалъ мрачныя краски, въ видахъ представить русское монашество съ самой непривлекательной стороны. Но такъ представлять дѣла нельзя. Преп. Максимъ писалъ о современномъ ему русскомъ монашествѣ одну голую правду, ничего непреувеличивая и ничего неприбавляя. Это вполне подтверждается дѣяніями Стоглаваго собора, бывшаго въ 1551 году, слѣдовательно при жизни преп. Максима, за четыре года до его смерти.

Вотъ что, напримѣръ, говорится въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора о состояніи тогдашняго монашества: царь заявляетъ на соборѣ: „а въ монастыри черницы и поны стригутся спасенія ради души своея; нѣццы жъ стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать, и поселомъ ѣздять прохлады для... Черницы, черницы по міру волочатся и живутъ въ міру, и не знаютъ что то словоъ монастырь... Черницы по селомъ живутъ, да въ городѣ тяжутся о земляхъ.... Старецъ на лѣсу келью поставилъ и церковь срубилъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у меня земли и руги просить, а что собралъ, то пропьеть, а въ пустыни не по Бозѣ совершается.... Архимандриты и игумены нѣкоторые власти докупаются, да службы Божіи и трапезы и братства незнаютъ, и покоятъ себя въ кельи и съ гостями, да племянниковъ своихъ вмѣщаютъ въ монастырь и доводятъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, и по се-

домъ такожь, а монастыри тѣмъ пустошатъ, а старыхъ слугъ и вкладчиковъ изводятъ; а по кельямъ индѣ небрежно жонки и дѣвки ходятъ, а робята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ невозбранно, и по селомъ и по міру всюду ѣздятъ съ черяцы безъ зазору... Весь покой монастырской и богатства и всякое изобиліе власти съ роды и съ племянники, и съ бояры и съ гостями и съ любимыми друзи истощили“..! Между прочимъ Стоглавый соборъ поручаетъ царскимъ дворецкимъ во всѣхъ монастыряхъ „и казну монастырскую и всякіе обиходы монастырскіе вѣдати, и посылати и считати и отписывати и отдавати по книгамъ архимандритомъ и игуменомъ и строителемъ съ соборными старцы въ коемъждо монастырѣ“ т. е. соборъ всѣ монастырскіе приходы и расходы по всѣмъ статьямъ, въ виду денежныхъ и хозяйственныхъ злоупотребленій монастырскихъ властей, отдаетъ подъ контроль царскихъ чиновниковъ. Относительно лихоимства монаховъ, противъ котораго съ особою силою и негодованіемъ возставалъ въ своихъ обличеніяхъ монашества преп. Максимъ, соборъ говоритъ: „а что святительскіе казенные деньги въ росты даютъ, а хлѣбъ въ наспы, и о томъ божественныя правила не токмо епископомъ и пресвитеромъ и діаконъ, но и всему священническому чину возбраняють, но и простымъ неповелѣвають резоимство и лихву истязати; того ради отнынѣ, по священнымъ правиломъ, святителемъ и всѣмъ монастыремъ деньги давати по своимъ селомъ, своимъ христіанемъ, безъ росту и хлѣбъ безъ наспу того для, что бы за ними христіане жили и села бы ихъ были не пусты“.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно видно, что преп. Максимъ указывалъ на тѣже самые недостатки нашего монашества, на какіе указывалъ и современный ему Стоглавый соборъ. Слѣдовательно, преп. Максимъ писалъ о русскомъ современномъ ему монашествѣ не „отъ раздраженія“, а писалъ только то, что было въ дѣйствительности т. е. одну правду.

Н. Кантеевъ.
